

Николай Сорокин

Ученые
маша

Николай Солярий

**Исповедь мага. Роман
в четырех частях**

«Издательские решения»

Солярий Н.

Исповедь мага. Роман в четырех частях / Н. Солярий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853684-7

Книга ненавязчиво уводит нас в мир, где реальность перемещается в измерения, неведомые нам: тогда — не то действительность соприкасается с мистикой, не то мистика рождается в нашем сознании и влияет на восприятие происходящего в книге. Психологически точные, достоверно выписанные персонажи соседствуют в ней с несуществующими фантомами, их окружением, колдовскими чарами, отмеченными духом язычества... Неистошима фантазия автора, которому не без боязни вверяешь свою читательскую судьбу.

ISBN 978-5-44-853684-7

© Солярий Н.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Настольная книга колдуна	6
Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	48
Книга 2. Пять ночей	58
Продолжение	59
Глава 1. Фрагменты автобиографии: детство	60
Глава 2. Пятигорск	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Исповедь мага Роман в четырех частях

Николай Солярый

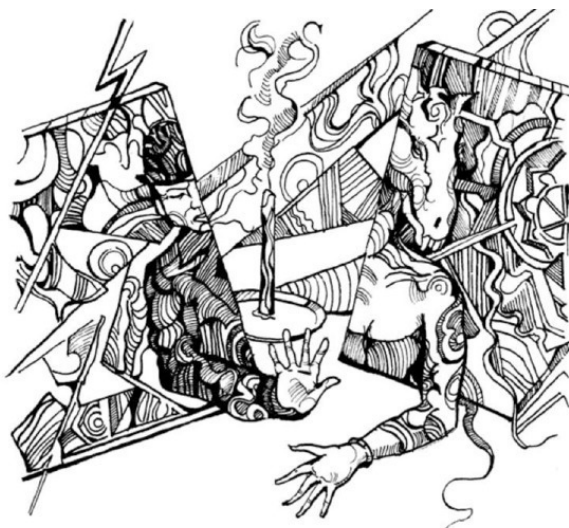
© Николай Солярый, 2017

ISBN 978-5-4485-3684-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Настольная книга колдуна

Вместо предисловия

В начале семидесятых не по своей воле, а решением районного военкомата меня, бывшего рядового – армейского повара – призвали пройти переподготовку: получить новую профессию хлебопёка, специалиста полевых хлебопекарен. Тридцать дней и ночей я должен был осваивать эту специальность далеко от дома – в предгорье Алтая, в старинном, грязном и загазованном, но по-своему прелестном Бийске.

Палатку-пекарню поставили на высокой горе у воинских складов – полгорода под нами: хорошо видны центр города, река, бывший монастырь, теперь войсковая часть, под голубым куполом ныне действующая церковь.

Рядом проходила трасса на Горный Алтай, часть которой – дорога на городское кладбище. Вот там-то я и услышал эту историю.

На девятый день после Пасхи народ с сумками, цветами и бутылками шёл на кладбище помянуть родных и возвращался оттуда с покрасневшими от слёз глазами или просто пьяными.

Один из них подошёл ко мне, сидевшему на сухой прошлогодней траве.

– Солдатик, давай помянем раба Божьего...

Я забыл, как его звали, но помню, что охотно согласился разделить с ним начатую уже бутылку водки. Кряхтя и вздыхая, он сел рядом со мной, развернул газету, в которой лежали крашенные яйца, оставшиеся, видно, ещё с Пасхи, хлеб и разломленная вареная колбаса. Гранёный стакан был один.

– Не побрезгуй, сынок, ему было бы сейчас столько же, сколько и тебе.

Налив полстакана, протянул его мне. Не зная толком, что нужно говорить в таких случаях, я произнёс: «Пусть земля ему будет пухом» – и осушил содержимое стакана.

Потом выпил он, мы молча закусили. Мне хотелось как-то поддержать и успокоить моего незнакомца, но как это сделать – не знал.

– Наверное, болел? – спросил я.

– Да, болел.

И поведал он мне историю, которая через много лет задела и меня:

«Встречался юный паренек с девчонкой с нашей улицы. I ода полтора уже она жила со своей бабушкой в стареньком домике с большим огородом, родители её жили в другом районе нашего города. А девочку отправили к бабке, чтобы была ей помощницей. Да и медицинское училище, в котором она училась, было рядом.

Парень работал слесарем на заводе, был скромным, тихим и очень уж робким, весь в мать.

Как они познакомились – я не ведаю, думаю, это была ее инициатива. Он с незнакомыми сверстниками заговорить бы не смог. А тут, как дома – всё в окно на дорогу смотрит, ее выглядывает, как вечер – сидит на лавочке у их дома, ни в кино, ни на танцы. Как стемнеет – она его провожает. Было и такое: подошли к ним парни с другой улицы, так он за её спину спрятался.

Бабка у неё спрашивает:

– Когда, внучка, свадьбу справлять будем?

А она ей:

– До того он трусишка, мне за него страшно и замуж выходить. Как жить-то с таким?

И научила старая молодую:

– Найди могилу человека с таким характером и поступками при его жизни, каким бы тебе хотелось видеть жениха своего. Расскажи своему суженому о нем, пусть он в полную луну после полуночи пойдёт на его могилу и в изголовье могильного холмика воткнёт нож и скажет: «Дай мне то, чего нет у меня, а было у тебя». Потом надо выдернуть нож, порезать им руку до крови и окропить ею могилу. И пусть уходит с кладбища не оглядываясь, кто бы его ни звал, как бы его ни просил; не оглядываться, не бежать, а спокойно идти. Долго ждать не придётся, как проявятся в нем черты того покойного и унаследует он натуру его.

Вспомнила девчонка, как года два назад зарезали на танцах парня с их улицы. Справедливый парень был и отчаянный. Мог за себя постоять и за всех пацанов с их улицы заступался.

Рассказала она всё пареньку и уговаривать стала, чтоб совершил он сей обряд на могиле покойного. При каждой встрече только о нём и рассказывала, про случаи из его удалой жизни.

– Не таков был мой сын, чтоб легко согласиться на это. Ночью на кладбище – ни за что. Он днём-то один в лес за грибами не пойдёт.

Тогда она решила принять к нему другие меры.

Избегать его стала и не выходила на улицу. Два месяца ходил он под её окнами, похудел, переживал очень. Все соседи это видели, но не знали в чём дело. И нашёлся же злой язык, сказал ему кто-то, что подруга его собирается за другого замуж. Поднялся он ночью с постели и пошёл на кладбище.

На небе была полная луна. Как уж там проходила эта церемония, только Бог знает. Наутро увидел я его на кухне с окровавленной рукой и диким отрешённым взглядом. Только и сказал: «Он крови ещё просил».

Проведывать его в сумасшедший дом мы несколько раз ходили с его подружкой вместе. Она плакала, просила прощения у него и у меня. Для меня он стал неузнаваемым; она же говорила, что своей осанкой, походкой и манерой поведения он стал похож на того парня из могилы. Через три месяца он умер, прожив на свете столько лет, месяцев и дней, сколько прожил тот лихой парень».

Глаза моего собеседника были мокрыми. Мы допили бутылку до конца.

– Дай Бог тебе здоровья, солдатик, – с этими словами он поднялся с травы и ушел.

Много раз я рассказывал эту историю своим знакомым и никак не думал, что нечто подобное произойдёт со мной...

Глава 1

Весной, вернувшись домой с гастролей, к великой своей радости, на письменном столе в увесистой пачке писем и почтовых карточек я обнаружил конверт с приглашением принять участие в съезде магов нашей страны.

В программе съезда значилось открытие Российского отделения Братства магов. Участники съезда должны продемонстрировать свои недюжинные способности перед серьезной комиссией, в состав которой войдут признанные авторитеты в области экстрасенсорики и парапсихологии, а также престижитаторы, помягче сказать – иллюзионисты, а ещё мягче – фокусники.

Не раздумывая, в этот же день помчался я звонить в Саратов организаторам съезда. Там и должно было происходить сие мероприятие. Заодно обзвонил знакомых, поделился новостями о грядущих событиях. Реакция знакомых была неоднозначной. Одни говорили: «Езжай непременно, вернёшься – расскажешь все подробности». Был совет записывать всё, что услышу. Старый приятель посоветовал там не раскрываться: «Наверняка найдутся попредприимчивей тебя и с твоими номерами выйдут на большую сцену и телевидение, а ты останешься не у дел на своей периферии».

Нашёлся и отреагировавший на мой восторг так: «А тебе это надо? Не накатался ещё?». А мне это было действительно надо. Я никоим образом не отреагировал на слова моего оппонента. Наверняка в тот момент он был злым с похмелья.

Как работнику филармонии, артисту оригинального жанра, мне грех было пропустить это событие; встретиться с коллегами, приобрести новых друзей и знакомых. И как источник знаний этот съезд был мне необходим.

Казалось бы, что ещё нужно? Моя программа прекрасно воспринимается зрителями: более двух часов я удивляю феноменальной памятью, жгу себя огнём, глотаю шпагу, превращаю бумагу в деньги, зрителя – в Аллу Пугачёву. Зарабатываю аплодисменты, дарю автографы, зрительницы влюбляются в меня, а я в них. Вроде полная гармония. Так нет же, хотелось бы чего-то необычайного или экстраординарного: выйти на сцену и, подобно Булгаковскому Воланду, ошеломить весь зал, и чтоб деньги с потолка, и говорящая голова каталась по сцене, и чтоб билеты за месяц до концерта заканчивались в кассе. «Ну что ж, мечтать не вредно», – скажет мой читатель. Но я ведь не только мечтал, кое-что по крупичкам собирал для этого.

А тут такой шанс, не упущу.

Саратов встретил всех приезжающих прекрасной погодой: на небе ни облачка, в воздухе ни ветерка. Впоследствии скажут, что якобы такую погоду устроил один колдун, которого не хотели приглашать на это грандиозное сборище. И он выдвинул ультиматум: буду я – будет, вопреки всем прогнозам синоптиков, великолепная погода.

Но мнение большинства было иным: не было бы колдуна, погода была бы такой же, потому как личность колдуна доверия никому не внушала.

В городе был настоящий фестиваль; в транспорте и на улице можно было без труда определить участников съезда, они передвигались небольшими группками, демонстрируя при этом манипуляции с картами, шнурками, монетами и сигаретами. В руках экстрасенсов можно было увидеть проволочные рамки для диагностики и замера биополя.

Иных просто выдавал внешний вид – это подтянутые, галантные, с прекрасными манерами загадочные личности. Знакомых и друзей было много, со всех сторон нашей страны съехались они.

Жюри съезда отсеивало выступающих. Кому-то советовали обратить внимание на те или иные недостатки, перегибы, а кому-то вообще заняться чем-то иным. Действительно достойные оценки получили иллюзионисты, было на что посмотреть и чему позавидовать.

А вот сверхъестественные способности ясновидящей девочки меня действительно удивили и остаются загадкой по сей день. Мама Олеси, так звали эту двенадцатилетнюю девочку, рассказала, что, когда дочь училась в третьем классе, к ней стала поступать информация из космоса, она стала давать ответы на каверзные вопросы, не входившие в школьную программу. И в этом мы убедились, если только это не было искусно подстроено. Олеся стояла на сцене, а зрители просили ответить её на свои вопросы, которые могли озадачить даже имеющего высшее образование, и большинство ответов удовлетворяло спрашивающих. Почему большинство, а не все? Дело в том, что на вопросы типа:

«Что находится у меня в левом нагрудном кармане пиджака?» – ответ был: «На пустяковые вопросы информации из космоса нет».

Уже немолодой человек в очках спросил:

– Что случилось с эсминцем «Элдридж»?

– В 1943 году ушёл в другое измерение.

Только спустя два месяца информация об этом появилась в журнале «Знак вопроса». Если это не был подсадной зритель, к услугам которых прибегают некоторые шарлатаны, тогда девочка – настоящий феномен.

В один из перерывов я пошёл побродить по холлу Дворца культуры в надежде найти какой-нибудь буфет или лоток. Поиски не увенчались успехом, ничего подобного здесь не было; и только я собрался выйти на улицу, как за моей спиной прозвучал женский голос:

– Молодой человек, я готова поделиться своими бутербродами. Вы с рыбой любите?

Я обернулся: в трёх шагах от меня стояла дама азиатского типа, примерно моего возраста, чуть ниже меня ростом, жгучая брюнетка с пакетом в руке. Неужели чувство голода проявилось в моих глазах или это чувство изменило мою осанку или походку? Буфет то я искал молча. Удивлённый и несколько смущённый, я отрицательно покачал головой:

– Ну что вы, мне совсем не хочется есть, я сегодня плотно позавтракал.

– стакан чая и заварное пирожное вы считаете плотным завтраком? – произнесла она.

– Не могла она видеть это, пирожное и чай я без свидетелей съел в гостиничном номере, и это меня заинтриговало.

– Неужели откажетесь от пива? У меня с собой пара бутылок.

– Ну дела, я уже часа два о пиве с рыбой думаю.

– Не удивляйтесь, – снова заговорила она. – Я с утра люблю вашу ауру.

– Ну и как она? – приблизился я к ней.

– Светлая и чёткая, с небольшими разрывами, но это наверняка следствие ваших недугов.

– Наверное, зимние простуды, – согласился я с ней. Меня это настолько удивило, что я закурил головой по сторонам. – Где бы нам с вами поудобнее устроиться, чтобы разделить вашу трапезу?

– Она подала мне пакет.

– Николай, называйте меня просто Зоей. Пойдёмте в зал, сейчас там никого нет, перерыв, устроимся на последних рядах.

В зале действительно никого, полумрак, слабый свет на пустой сцене. Мы заняли три места, среднее кресло между нами послужило нам столом. Пока я открывал пиво ключом от квартиры, Зоя разложила на пакете бутерброды с белугой. От первых глотков пива я подобрел и расслабился.

– Зоенька, а что, имя моё написано на ауре?

– Нет, Коленька, имя ваше я прочла на афише в Горно-Алтайске два года назад, я была там в командировке, попала на ваш концерт и после выступления ждала вас у гримёрной, чтобы

поделиться своим мнением и выразить своё восхищение. Но на выходе вас поджидала толпа зрителей, и пробиться к вам было невозможно. За вами пришёл водитель автобуса, вы очень торопились.

Я ехала сюда и полагала, что встречу вас. В первый же день увидела вас, но подойти не решилась – вы всё время не один, и, чтобы устроить эту встречу, пришлось повоздействовать на ваше окружение. Два ваших спутника сейчас обедают в столовой, что за два квартала отсюда, наворачивают гуляш и о вас даже не вспоминают.

– Зоя, каким образом можно увидеть ауру и определить, что со мной происходило и происходит?

– Я вижу ауру при любом освещении. А почему я её вижу? Да просто потому, что вижу, и всё. В ауре как в призме – всё вверх ногами: и прошлое и будущее. На прошлое нужно смотреть с одного 10 угла, на будущее – с другого, а настоящее можно не только видеть, но и слышать. А вот как это делается – не скажу. Мне это дорогого стоило.

– Зоя, вы, наверное, не представляете, какова цена вашим способностям. Это неизмеримо никакими деньгами.

– Вы меня не так поняли, Николай. Речь идёт не о деньгах, а о гораздо более ценном, да и не каждому дано.

Здесь нужно быть избранным.

– А можно ли мне стать вашим учеником? – с надеждой в голосе произнёс я. – Готов пожертвовать чем угодно.

– Я это знаю, – печально ответила она. – К сожалению, учитель должен быть старше ученика, а с этим, как вы видите, у нас проблема. Конечно, у нас с вами мог бы получиться прекрасный дуэт, шикарная программа.

– Вот об этом стоит, пожалуй, подумать. Представьте себе, Николай, как бы вы дополнили меня. «ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЕ ШОУ. Зоя Тэ – трансментальная магия с участием Н. Солярия». Это будет настоящая программа, а не то, что мы здесь с вами видели. Мы покорим весь белый свет! Вот тут мне нужна ваша помощь. Вы способный, обладаете колоссальной энергией и могли бы стать превосходным ассистентом.

Она говорила со мной мягко и вкрадчиво, но глазами словно прокалывала область желудка. Тут меня осенило, и от этой мысли мурашки пробежали по спине: передо мной сидит вампир, ей нужен донор. Как-то надо бы поделикат нее расстаться с ней.

– Зоя, милая, я почти согласен, но у меня контракт ещё на полгода с филармонией, – соврал я. – Оставь мне свои координаты, как только закончу работу – сразу же напишу.

Она на листочке блокнота написала свой адрес: «до востребования».

– Я была уверена, обладая такой памятью, ты не нуждаешься в записях. До августа лучше не пиши, я уезжаю в Алжир. И ещё, Коля, не рассказывай о наших планах никому, чтобы не сглазить.

Доев бутерброд, я помог Зое собрать крошки и пустые бутылки в пакет. Мы вышли в фойе, у входных дверей показались мои приятели.

– Ну ладно, давайте прощаться, – предложила она, – у меня через четыре часа самолёт.

Я пожал ей руку, затем поцеловал в щёку, мы расцвели в улыбке, и моя знакомая пошла к выходу. Я направился к своим коллегам, спросить, откуда они идут. Ответ их: «Тут недалеко, в столовке, кормят прилично» – меня уже не удивил. И то, что на второе был гуляш, ребята подтвердили. Конечно, я был шокирован этим знакомством и, честно признаться, напуган. Решил никогда не встречаться с этой особой. Но, как покажет будущее, тщетным было моё решение.

Вот так, став членом РОМБа (это аббревиатура Российского отделения Международного братства магов) и получив свой регистрационный номер, вернулся я в родные края.

Глава 2

Кто зачем приходит на кладбище: одни со скорбью провожают в последний путь близких и знакомых, другие приходят помянуть усопшего и поправить могилу, кто-то торгует живыми и искусственными цветами и венками; не чистые на руку людишки являются сюда, не боясь греха, украсть с могилы дорогой и красивый венок и затем перепродать его у ворот другого кладбища. Но в основном на кладбище безлюдно. Я же попал сюда не по перечисленным мною причинам и даже не в качестве покойника.

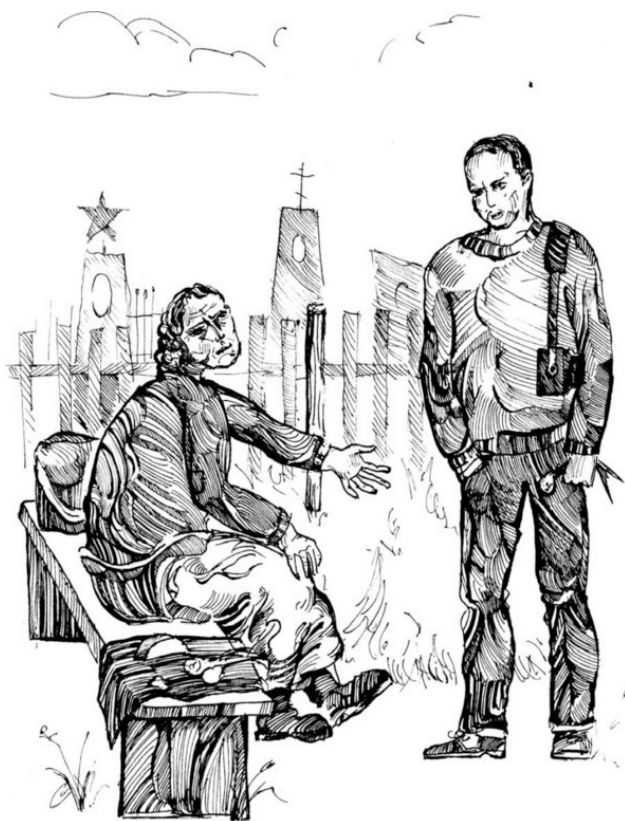
Знакомая продавец из нашего гастронома, зная меня как бывшего фотографа, попросила отснять похоронную процессию безвременно ушедшей свекрови. Без всякого энтузиазма я дал согласие. Отказать ей не мог, поскольку она частенько снабжала меня дефицитным товаром из-под прилавка.

Захватив свой старенький «Киев», я прибыл по назначенному адресу и в разных ракурсах сделал несколько снимков усопшей и её провожающих. Решив уже уйти, подошёл к заказчице сказать ей об этом, но она попросила меня задержаться ещё и съездить с ними на кладбище заснять погребение; не все родственники смогли приехать: из-за болезней или дальней дороги, тогда хотя бы по фотографиям будут иметь представление об этом мрачном событии.

Ехать в катафалке с гробом мне не очень то хотелось, и я попросил музыкантов взять меня в свой автобус. Как только машина тронулась с места, мрачные лица музыкальной команды просветлели, а узнав, что я не родственник покойной, засыпали меня циничными шутками. Трубоч с отёкшим лицом назидательно говорил:

– Если ты, парень, хочешь срубить хорошие бабки за такую работу, первого своего покойника во время прощания должен поцеловать в губы. Поверь, примета такая, мы все через это прошли и сразу же деньги лопатой грести стали.

Барабанщик – может было бы правильно назвать его ударником, – внешне мало отличавшийся от трубача, утвердительно кивнул головой и добавил, что целовать нужно непременно взасос. Сам я, не лишённый чувства юмора, дал согласие на это и даже пообещал поделиться своим калымом за совет, если любой из них наглядно покажет, как это делается. Вот за этими неуместными шутками незаметно быстро автобус довёз нас до места захоронения.

Музыканты с обшарпанными, как они сами, инструментами выбрались наружу уже со скорбными лицами и честно взялись отработать свою зарплату. Раскрыв футляр фотокамеры, я сделал несколько снимков и вернулся в музыкальный автобус. Родственники разносили кутью, наливали водку, просили помянуть покойную. Мне не хотелось принимать участие в этой процедуре – я не люблю сладкие каши и пить водку в жару, тем более при жизни я не знал покойницу, но чтобы не обидеть присутствующих, взял шоколадных конфет. Музыканты вернулись в автобус с горящими взорами; у троих из пяти в руках, кроме музыкальных инструментов, по бутылке водки, колбаса и конфеты в кульке. Мне стало понятно: возвращаться будем с песнями. Чтобы избежать всего этого, я по-английски, не попрощавшись, покинул машину, решив добираться до дома городским транспортом.

Я не спеша шёл по кладбищенской дорожке и рассматривал всё, что меня окружает. Это кладбище мало чем отличается от других: крашенные и ржавые оградки вокруг могильных холмиков стоят настолько плотно друг к другу, что почти невозможно протиснуться между ними; металлические пирамидки, увенчанные пятиконечной звездой или крестом, забытые, провалившиеся и свежие, ухоженные могилы. Разглядывая памятники, читал имена и даты и пришел к такому выводу: рано ушедших из жизни молодых ничуть не меньше пожилых и стариков, если не больше.

Почти у самого выхода, за старенькой деревянной оградкой, на скамеечке сидела пожилая, не очень опрятная женщина.

Рядом с ней на тёмном платочке, разостланном тут же, на скамейке, лежала скромная трапеза – ломоть чёрного хлеба, пучок зелёного лука с большими белыми луковицами и небольшая горка соли. «Вот нищета, – подумалось мне, – помянуть людям не на что».

На ходу укладывая фотоаппарат в сумку, на дне которой увидел пару конфет, которыми меня угостили только что.

Тут же повернул я назад и через оградку протянул конфеты сидящей женщине.

– Помяните усопшую рабу Марию, – произнёс я.

Женщина подняла опущенные веки, несколько секунд смотрела на меня.

– В этот день я не ем сладкое, оставлю их на другой раз, – и, приняв из моих рук конфеты, убрала их в хозяйственную сумку.

– Дело ваше, как хотите, – с каким-то чувством удовлетворения сказал я ей, собираясь тут же уйти.

– Подожди немного, не торопись, помяни и ты брата моего, – и, свернув перья лука жгутом, макнула их в соль; другой рукой отломала кусочек ржаного хлеба.

Я прекрасно понимал, что с запахом лука мне придётся входить в городской автобус, тем не менее, что-то меня удержало от отказа, наверное любопытство.

Взяв из её рук жгутик лука, словно рюмку с водкой приподняв его вверх, как бы для тоста, собрался произнести известную фразу:

«Упокой, Господи», переведя взгляд на памятник: чтобы прочесть имя покойного, но не увидел никакой таблички и надписи. В общем-то, это был не памятник, а просто обтёсанное топором брёвнышко.

– Что же вы даже надпись не сделали?

Колдун он был, знал все заговоры и привороты, гангрену лечить мог и по ночам летал. Никогда свиней не держал, а двор весь поросычьими следами истоптан, видно оборотнем был. А уж какие мученья перед смертью принял, никакому врагу не пожелаешь: пять дней по полу катался, криком кричал, рубаху на себе всю изорвал. По деревне днём ходить страшно было, всё тучами затянуло, ветер со всех деревьев листья посрывал, собаки из своих конур не вылазили, про ночь и говорить нечего, в усадьбах ворота стонали. Хорошо, кто-то из соседей надумил дверные косяки выломать. Так и сделали, успокоился он сразу и дух испустил. Книгу его кожаную, про магию, я в печи сожгла, из трубы дым валил чёрный. На деревенском кладбище хоронить запретили – девай его куда хочешь, а нашу землю не оскверняй. Вот с роднёй привезли его сюда и всякими неправдами схоронили тут. Попа пригласили, хотели отпеть похристиански, рассказали ему всё, но батюшка отпевать отказался и вместо креста велел кол осиновый вбить. Перечить ему не стали, срубили неподалёку осину, кол затесали, вот и стоит он по сей день.

Поговаривают такое: кто кол вытащит и кровью своей ямку из-под кола окропит, получит в награду его способности, но тут якобы целая церемония должна быть, нужно знать – какой день недели, под какой праздник и в какую луну. Но вряд ли найдётся такой, безумным нужно быть – решиться на это.

– Ну и историю вы мне рассказали, неделю теперь точно спать не буду. Всего вам доброго, бабуся.

Распрощался я с ней, что-то не по себе мне стало, жутковато как-то, вокруг никого, и поспешил на остановку.

Только в автобусе я обратил внимание, что в руке держу пучок лука, обмакнутого в соль.

Глава 3

В актовом зале института никого не было. Я настраивал звуковую аппаратуру и минут через сорок готов был открыть вход для зрителей.

К любопытствующим мне не привыкать, они то и дело заглядывали в зал и задавали дурацкие вопросы: «А деньги, которые вы из бумаги делаете, настоящие?», «А можете меня превратить в Шварценеггера?» – и так далее в подобном духе. На такие вопросы я всегда отвечаю одинаково: «Всё будет по правде, и всё будет по-настоящему».

Вопросы бывают поинтеллектуальнее: «Вы верите в реинкарнацию?», «Какими основами мирозерцания вы пользуетесь?», «Какие чакры у вас открыты?» Такие вопросы меня чаще загоняют в тупик, и я говорю правду, что я самый обычный человек, и всё, что делаю на сцене, достигается рутинными тренировками, и любой мой номер может повторить каждый, а что касается мистических учений – я от этого далёк, живу реальной жизнью.

Девушек в большинстве своём интересовал один из гвоздей моей программы – номер с зеркалом, в котором я показывал незамужним дамам и девчонкам будущего суженого.

Происходило это так: пригласив желающую на сцену, я незаметными для зрителей и самой участницы приёмами вводил её в лёгкий транс. Показав публике зеркало, для убеждения в том, что здесь нет никакого подвоха, объявлял: «Сейчас это зеркало станет для вас волшебным.

Посмотрев в него, вы увидите будущего суженого» – и, держа на небольшом расстоянии от её глаз зеркало, спрашивал: «Знали вы его раньше? Какого цвета у него глаза? Нравится ли он вам?»

Ответы я предвидеть, конечно, не мог, они могли быть любыми: «да» или «нет», «знаю его» или «впервые вижу».

Но по статистике, которую я вывел для себя, чаще звучал ответ, что отражённый в зеркале суженый не нравится.

Понять их можно, почти каждая мечтает выйти замуж за принца, а тут перед ней обычный парень, может быть надоедливый сосед или одноклассник. Бывали случаи, когда в зеркале видели двоих или троих, и все трое не нравились.

А одна девушка вместо суженого увидела корону и, уходя со сцены, расплакалась. Я и сам тогда не знал, что этот знак означает, но всё таки попытался остановить её и попробовать успокоить:

Всё будет как нельзя лучше, наверняка выйдешь замуж за президента. Вот только сейчас никто не знает, кто им будет, а тебе уже предназначено быть первой леди, – и, осушив её слёзы этими словами, отпустил на своё место.

Года три для меня самого это было загадкой. Но как-то после концерта в доме отдыха ко мне, раздававшему автографы, подошла милая дама и, протянув какую-то книжечку, произнесла:

– Подпишите, пожалуйста, жене президента.

Уже и не помню, что я тогда в книжке накуролесил, но она рассмеялась:

– Вы меня не узнали? Я была на вашем концерте и увидела в зеркальце корону. Вы меня тогда заверили, что выйду замуж за президента. И я вышла, с двадцати раз не угадаете за кого.

– Да как-то я вас сразу не узнал, очень уж похорошели. Не томите, скажите, кто же этот счастливчик?

– Вор в законе, – глубоко вздохнув, словно выплюнула из себя.

Я тогда обомлел, вот это да! Действительное двадцати раз не угадал бы. Больше с ней мы никогда не виделись.

А однажды ко мне подошли две симпатичные студентки и сделали мне заманчивое предложение – провести с ними ночь.

– Девоньки, я мечтаю об этом, – завёлся я с полоборота.

– Вы только поймите нас правильно, в комнате, в которой мы живём, поселился барабашка, в общем-то он нам не мешает, и мы решили установить с ним контакт, и ничего другого, как сеанс спиритизма, мы не придумали. Изготовили бумажный круг с алфавитом и цифрами, приделали к нитке маятник, вызвали его и стали общаться, но на наши вопросы он всё время отвечал невпопад.

– Вот вы, как настоящий медиум, не могли бы нам помочь наладить с ним нормальную связь?

– Думая, что девчонки меня разыгрывают, но всё равно мне с ними будет интересно, я дал на это добро.

– Оставляйте адресок, сегодня же буду. Что мы будем пить? – осведомился я.

– Вы – что угодно, но мы только кофе.

– Значит, приду с конфетами, – пообещал им.

Вот так в назначенном месте, в назначенный час я с коробкой зефира в шоколаде и бутылкой шампанского позвонил в дверь. Девушки обрадовались моему визиту, пригласили войти. Ольга и Вика одеты были просто, по-домашнему, и попросили чувствовать себя свободно, как у себя дома.

Увидев у меня шампанское, Вика спросила:

– А не помешает алкоголь спиритическому сеансу?

– Тут уж я окончательно убедился, что оргий не будет.

С видом маститого медиума ответил:

– Когда я подшофе, со мной на контакт выходят даже инопланетянки.

Девушки расставили на столе стаканы, и под журчание разливаемого шампанского я попросил их со всеми подробностями рассказать о происходящем.

Вот уже около года полтергейст появлялся в их квар тире, обычно ночью. Видеть его им не довелось, а вот деяния его были налицо: он разливал воду по комнате, расчёсывал им волосы, сбрасывал пишущие ручки со стола, после каких-нибудь пирушек разбивал фужеры.

– Сами видите, шампанское пьём из стаканов.

Но если с ним начинали говорить ласково, оставляли конфетку на кухне в углу, он не давал знать о себе долгое время.

Затем они сообразили использовать его в предвидении и гаданиях и соорудили спиритический круг.

В своих вопросах девчонки выбирали разные темы.

Вот, например, Ольга задала вопрос о том, как пройдёт завтра её свидание. Маятник начал раскачиваться и указывать на буквы алфавита: «Заметит только чёрная кошка». На вопрос Вики, как она сдаст первый семестр, ответ был неожиданно оскорбительным: «Была дурой, дурой и останешься». «Когда приедет мама?» – «Глазом не моргнёшь – сама мамой станешь».

Ну, в общем, чепуха всякая, но им кажется, он знает всё, только вот не хочет говорить. Моей задачей было выжать из него чистую правду. Не долго я над этим размышлял и придумал, как это сделать.

Надо нам его напугать, сказать ему, что приведём в квартиру другого барабашку, который хоть и злой: но говорит всегда как оно есть.

Мою идею девчонки поддержали. Где-то после двенадцати, убрав всё лишнее со стола, мы разложили спиритический инструмент.

Я поднял руки над маятником и произнёс:

– Согласен ли ты говорить с нами?

Давай, побазарим.

– Я хочу из деревни привезти сюда очень сварливого барабашку, он, по-моему, болен и стонет по ночам, поухаживаешь за ним немного. Что ты на это скажешь?

– Ни в коем разе.

– Тогда не груби девочкам и выкладывай всё начистоту.

Ольга спросила:

– Встречаться ли мне с Борисом?

– Нет. Любовь сама к тебе придёт в конце лета.

Потом вопрос задала Вика:

– Как зовут моего будущего мужа?

– Эрлих.

Тут и я не удержался от вопроса:

– Как сделать новую программу, которой удивил бы всех?

Маятник долго висел без движения, словно не хотел со мной общаться, затем медленно начал раскачиваться, указывая на буквы. Я стал записывать их на тетрадном листе: «В ночь на день своего рождения на могиле колдуна соверши клятвенный обряд. Выдерни кол из его сердца и кровью своей окропи отверстие в земле, произнеси при этом клятву отречения».

Записав слова клятвы и свернув листок вчетверо, спрятал его в карман. У Вики с Олей округлились глаза, девчонки явно были напуганы:

– Что это за могила? – спросила кто-то из них. – Вы знаете, это как-то не по-христиански.

– Девочки, – оборвал их я, – заниматься спиритизмом – это уже не по-христиански, а что это за могила – представления не имею, и клятва эта какая-то абракадабра. Давайте оставим барабашку в покое, это он от страха намолол нам всякой ерунды. Вот посудите сами, муж у тебя будет Эрлих. Да такого имени нет вообще на свете! А к тебе любовь придёт в конце лета. Вот сиди всё лето и выглядывай её в окно. Видно, нет у вашего барабашки способностей предсказывать, пустобрёх он у вас. Вы мне лучше скажите: где я спать буду?

Мне постелили на диване и выключили свет, но мне было не до сна. Я знал могилу колдуна, и клятва отречения совсем не казалась мне абракадаброй.

Глава 4

Когда мне исполнилось тридцать три, я проанализировал прожитые годы. Очевидно, многие в этом возрасте подводят итоги пройденного этапа. Мой результат был удручающим. Ничего настоящего и полезного не сделал, в своей профессии не достиг высокого уровня, хотя было на кого равняться и от кого получить помощь; семейная жизнь, несмотря на наличие достойных женщин на моём жизненном пути, не сложилась.

Вот тогда-то я и решил не отмечать дни своего рождения. Ну что это за праздник? В прошлом ничего путного, и будущее непонятно какое. Но какими бы ни были мои намерения, родные и близкие каждый год напоминают мне о нём. Приходят с подарками и поздравлениями, посылают телеграммы и открытки, и тогда мне приходится накрывать стол и устраивать пьянку, порой денька на два.

Каждый год приходится дня за три до этого торжества идти на рынок и в гастрономы, составлять меню. Готовлю всё сам, и многие считают, не плохо.

Нынешний день рождения я ждал с нетерпением, но, в отличие от предыдущих лет, не рассматривал прилавки торговых точек и не ломал голову над тем, что лучше: шпиговать баранью ногу или тушить кролика в вине. Мысли мои были направлены в другое русло: в мечтах одной ногой я стоял на могиле колдуна, и с каждым приближающимся днём меня одолевала какой-то непонятный страх. Внутренний голос сдерживал меня: «Подумай как следует, есть ещё время, сходи в церковь, причастись». Тут же другой голос изнутри призывал: «Решил идти – будь мужчиной, иди и ничего не бойся. Это твой шанс, всё изменишь в жизни, даже не сомневайся».

Между этими двумя голосами был я, сделавший для себя выбор: лучшим подарком будет ночь накануне дня рождения, свершение акта вандализма. И без календаря мне было известно, что день моего рождения четырнадцатого в субботу, стало быть, на кладбище – в пятницу тринадцатого. Чертовщина самая настоящая.

Наступила злополучная пятница. Заклинание я вызубрил наизусть, приготовил перочинный нож, но затем решил сменить его на лезвие бритвы, сунув его вместе с пакетиком лейкопластыря в брючный карман. С самого утра ходил из угла в угол – ну когда, наконец, наступит этот вечер? Тот день показался мне вечностью, стрелки на часах словно примёрзли к циферблату.

Едва стало смеркаться, я вышел на дорогу, остановить такси. Долго ждать не пришлось. Заскрипели тормоза автомобиля.

– Садись, тебе куда?

– Мне бы на кладбище, братан.

– Не шутишь? В столь поздний час там, наверное, уже все разошлись.

Да мне бы туда и обратно, подождёшь минут десять у ворот? – умоляюще попросил я его.

А ты знаешь, сколько будет стоить такой вояж? – и назвал умопомрачительную цену. –

И деньги вперёд.

«Да, пожалуй, торг здесь неуместен», – подумал я.

– Вряд ли кто ещё из водителей согласится на такой рейс в такое время.

Мы ехали молча, водитель искоса рассматривал меня, всё сопел и вздыхал.

– А что так поздно? – в голосе его прослушивалась дрожь.

– Да ты не бойся, я только фотоаппарат заберу, убирал сегодня могилу, а фотоаппарат повесил на оградку и только дома спохватился, что забыл его там, а камера дорогая, импортная. Если хочешь – вместе пойдём заберём.

– Нет-нет, мне машину бросать нельзя, – отмахнулся он от меня.

– Ну ладно, не хочешь – не надо, только не вздумай меня бросить, дождись обязательно.

Мы подъехали к маленьким воротам кладбища, и я направился по дорожке, но решительности моей хватило лишь до ворот. Стоило мне оказаться за кладбищенским забором, ноги стали словно ватными.

Здесь и днём-то темно из-за высоких деревьев и густых кустарников, а в это время и подавно. С трудом различая оградки, шёл почти на ощупь, пожалев, что не взял фонарик. Может быть вернуться? А на следующий год прийти сюда с фонарём.

Нет, такую трусость я себе не простил бы, решил идти – значит, пойду. Вокруг тишина, слышу, как сердце в груди стучит; если бы меня в тот момент кто-нибудь окликнул, оно бы разорвалось.

Вот она, оградка. Я открыл калитку...

Взгляд сразу же выхватил кол. Взявшись за него обеими руками, стал раскачивать и, когда он стал двигаться свободно, крепко прижал его к себе и потянул вверх; он поддался легко. Вынимал я его осторожно, чтобы комьями земли не засыпать случайно отверстие. Так же аккуратно уложил его вдоль оградки. Запахло гнилью и сыростью. Ну вот, половина дела сделана. Теперь на очереди колдовской обряд. Руки были грязными, но о какой-либо дезинфекции я не помышлял. Раскрыв конвертик с лезвием и занеся палец левой руки над образовавшимся отверстием, чиркнул по нему бритвой. Рана получилась глубокой, кровь просто струйкой полилась в эту дыру, а я громко вслух начал читать клятву отречения. В теле появилась слабость, закружилась голова, и земля стала уходить из-под моих ног...

Сознание ко мне вернулось только под утро. Я лежал на могильном холмике вверх коленями, палец уже не кровоточил, руки, лицо и уши искушены комарами, и какой-то зуд в спине между лопаток. Усевшись на скамеечке, обмотал палец лейкопластырем и вернул кол на прежнее место. Еле переставляя ноги, двинулся к выходу. Силы совсем иссякли, ощущение было таким, будто тело стало пустым и вся энергия из меня ушла, – как бы до остановки не пришлось передвигаться на четвереньках. Что таксист меня ждёт, я даже не надеялся. Каково же было моё удивление, когда на дороге увидел своё такси припаркованным на прежнем месте. Плюнувшись на переднее сидение, не дожидаясь вопроса, говорю водителю:

- Не нашёл аппарат, видно, кто-то меня опередил.
- Неужто шесть часов искал? Я думал, вообще не придёшь, провалился куда-нибудь.
- Ну вот видишь – пришёл же, давай, трогай.

– Чего трогать, аккумулятор сдох. Ты думаешь, стал бы я тебя ждать столько времени? Не заводится, буксир нужен. гляди.

Он повернул ключ зажигания, и машина, даже не чихнув, сразу завелась. Таксист даже приподнялся.

– Надо же, чепуха какая-то, лампочки не горели, хотел аварийную вызвать, рация не включалась, а тут сразу с пол-оборота завелась, как будто ничего и не было.

Переведя взгляд в мою сторону, он выпучил глаза, отодвинулся к своей дверце и боком прижался к ней. Машина рванулась с места. Всю дорогу он сидел как ошпаренный, иногда крестясь, не проронив больше ни единого слова. А мне было не до него, я жутко хотел есть и думал о колбасе, которая лежала у меня дома в холодильнике. Кроме того, я ощущал себя героем-победителем, хотя и немного посмеивался над собой: наверняка всё это ерунда. Ну, поживём – увидим.

Глава 5

Вечером, укладываясь спать, я вновь ощутил зуд между лопаток и какую-то тяжесть в спине. Этот зуд и тяжесть последние три дня не оставляли меня, а в этот вечер как-то особенно. Я завернул левую руку за спину и на сей раз легко дотронулся до шишки. Стало ясно – она увеличилась. «Чего ещё ждать? – подумалось мне. Пора показаться врачу. Горба мне ещё не хватало». – И с гнусным настроением, улёгся на бок.

Деревянный щит на кровати служил мне матрасом, это, по моему убеждению, профилактика сутулости и остеохондроза. Уже несколько лет этот щит был моим ложем, и я уютно чувствовал себя на нём. Но вот сейчас не очень-то удобно лежалось на спине, поэтому приходилось крутиться с боку на бок, сна совершенно не было. Немного приподнявшись, я потянулся за книгой, и как-то легко, ни на что не опираясь, моё тело оторвалось от постели и свободно повисло над полом на уровне стула. Тело моё распрямилось, я развёл ноги примерно на ширину плеч и оказался над шкафом – необыкновенное чувство лёгкости во всём теле.

Облетев по кругу тесную комнату, направил взгляд на окно и сразу оказался у штор, раздвинув их, с остервенением стал дёргать ручку фрамуги, и она поддалась. Если бы этого не произошло, я, наверное, разбил бы стёкла вдребезги. Окно раскрыто: вперёд – и в небо. «Свобода!» – хотелось кричать мне.

Я над пятиэтажкой, и мне не страшно. Облетев дважды с разной скоростью свой дом, решил больше не кружить, а побывать там, где меня сегодня не ждали, – у одной знакомой, которой обещал заглянуть как-нибудь вечерком. Если лететь по прямой – это будет недалеко, две остановки на электричке, в Академгородке. Представляю её реакцию, если войду к ней через балконную дверь. На всякий случай, чтобы не заблудиться, выбрав в качестве ориентира железную дорогу, направил свой полёт через дачный посёлок и антенное поле в сторону железки. Белый домик станции и железнодорожный переезд были освещены и поэтому хорошо видны. Небо было ясным и звёздным, мачты антенн на поле просматривались отлично. Захотелось пролететь между ними, совершив фигуру высшего пилотажа, что-то вроде мёртвой петли или какой-нибудь восьмёрки. Разведя руки в стороны и повернувшись боком, стал облетать мачту снизу и, словно по спирали, набирать высоту, но на втором круге получил сильный удар по руке, чуть выше локтя. От этого удара я перевернулся в воздухе. Простонав и схватившись за ушибленное место, спикировал столбиком вниз и довольно плавно опустился на траву. На рукаве, на месте ухаба, тёмная полоса.

Что это было? Посмотрев вверх по сторонам, мне стало ясно – ударился об антенную растяжку, но ничего, боль терпимая, пройдёт. Хотя, если скорость была бы повыше и ударился не рукой, а головой, на траве лежал бы мой труп; или если бы это была десятикиловаттная линия электропередач, наверняка сгорел бы в проводах. Впредь буду поосмотрительнее.

Продолжать полёт этим курсом почему-то расхотелось. Вытянув шею и расправив спину, я стал медленно подниматься, глядя в темноту: растяжки неплохо видны. «Где до этого глаза мои были? Совсем нюх отморозил», – выругал я себя и решил полететь над лесом. Дачные домики подо мной быстро закончились, видны только сосны, лесные просеки и старая разваленная деревушка, дорога от которой вела снова в лес.

И вот на дороге, у самой обочины, я разглядел две человеческие фигуры. Любопытство одолело меня: что они могут там делать в такое время и в таком месте? Опущусь-ка я к ним поближе.

В одной из фигур я определил женщину. Она была крупной и головы на две выше своего спутника, а он коренастый и кривоногий, ну, в общем, совсем не пара.

Она стояла ко мне спиной, он же суетился и, постоянно наклоняясь, что-то сооружал из сучьев на дороге.

Спланировав метрах в двадцати от них, с противоположной стороны, и затаившись под кустом, стал разглядывать странную парочку.

Одеты они были необычно. Она, в длинном, до самой земли, платье с капюшоном, которое обтягивало её статную пышногрудую фигуру, одним словом – нимфа, стояла ко мне боком, так, что мне был виден только её затылок, покрытый капюшоном. Её обожатель был в узких коротковатых брюках, облегающий пиджачок на нём был явно маловат, на голове английский котелок, как у Чарли Чаплина.

Теперь мне стало понятно: он разводил костёр. Огонёк медленно разгорался, и языки пламени неохотно поднимались вверх; когда огонь охватил весь хворост, мне отчётливо стало видно его лицо: если бы не редкие усики – был бы вылитый Черчилль.

Потерев кисти рук и подержав их над костром, он повернулся в мою сторону и окликнул меня сипловатым голосом:

– Сколько ты там в кустах сидеть будешь, давай к нам, у огонька согрейся. Ждём тут тебя еженошно».

Вместо буквы «щ» он произнёс «ш». Мне ничего не оставалось, как выйти из-за укрытия и направиться к костру. Я шёл с таким чувством, будто иду к старым знакомым.

– Доброй ночи, – поприветствовал я их.

– Глядя на твою руку, не скажешь, что эта ночь для тебя была доброй. Где это тебя так зацепило? – усмехнулся Черчилль.

– Да тут неподалёку о проволоку ударился, – произнёс я, словно оправдываясь.

– Ну ты, брат, тоже мне, Чкалов лёгчик-испытатель. Поосторожнее быть надо, здесь всё проводами опутано, нормальному мистификатору полетать негде, разве что только над морем, – иронизируя, как бы с досадой сказал он и начал задавать вопросы:

– Что у нас сегодня в программе?

Мне как-то неловко было признаваться в аморальных намерениях, но всё же таки я ответил правду:

– В Академгородок собрался, знакомую повидать хотел, да вот на вас чуть было не налетел.

– А как ты хотел показаться ей на глаза? В окно или двери?

– Конечно, в окно, – ляпнул я, не подумав.

– Ты, наверное, хотел, чтобы она обделалась? Тут я пару лопат дерьма ей гарантирую, а потом всю ночь, вместо любви, будешь извиняться и стирать ей трусы, – съехидничал незнакомец. – Пора вершить великие дела.

– Какие ещё дела? У меня своих дел по горло.

Не обращая на мою реплику внимания, он продолжал:

– Отныне твоей миссией будет являться поддержка мистического учения ТАББА НАДА, ты станешь его последователем и сеятелем. Перед тобой откроется занавес параллельного мира, ты увидишь то, что не всякому открывалось при его жизни, хотя очень многие стремились к этому: проходили разными тропами в надежде познать суть бытия, испытать неизведанное, раскрыть магические тайны, найти философский камень, сварить из дерьма золото, стать могущественным властелином. Ради этого шли на всё: мостили себе дорогу обманом, трупами, приносили в жертву жизни людей и животных. Многие стучались в эту дверь, но не для всех она открывалась. Мы открыли её Циолковскому, благодаря нам задолго до Коперника, ещё в шестом веке до новой эры, Заратустра узнал, что Земля имеет форму шара, а тот, кто серьёзно изучал его труды, открыл квантовую физику. Ты же вышел на рубеж мира призраков, практически не затрачивая на это какой-либо силы. Пронька сделал тебе бесценный подарок, и ты должен это ценить. Вот! – он показал мне увесистую пухлую книгу.

Я даже не понял, откуда она появилась у него в руках.

Книга, судя по всему, очень старая, да и форма у нее была необычная – квадратная.

– Теперь это твоя настольная книга. Читать её будешь ночами в полнолуние. Про своих подруг пока забудь, не растрчивай понапрасну силы.

– То есть как – забудь? – возмутился я. – Себе вон какую отхватил, а я по ночам читать должен? Ну ладно, я согласен без баб, только в полнолуние, а по другим дням мне не хотелось бы лишать себя удовольствия.

– Ты с кем сравниваешь Адан? – одёрнул меня незнакомец. Сразу же после этих слов подруга моего собеседника, как уже выяснилось, имеющая странное имя Адан, повернулась в мою сторону, и я оторопел: передо мной стояла грациозная дама с настоящей лошадиной мордой со звёздочкой во лбу. Она кокетливо улыбнулась мне краешком губ, оголив часть белых лошадиных зубов, кокетливо прикрыла глаза и вновь отвернулась.

– Вот не будешь меня слушать, сделаешь чего не так – со свиным рылом останешься. Так что не забывайся и не зарывайся, что неясно – переспроси.

– А можно у неё спросить? – любопытствовал я.

– Она тебе нечего не ответит, где ты слышал, чтобы лошади разговаривали? Держу её при себе так, для утех; она у меня белой горячкой подрабатывает. Сколько алкашей благодаря ей в дурдом попали...

– Так теперь, выходит, ты начальник мой? – с горечью произнёс я.

Незнакомец фыркнул, повернул голову к спутнице:

– Адан, этот Экзюпери догадливый! Слушай меня и запоминай.

Он взял меня под руку и стал водить вокруг костра.

Объяснял он всё доходчиво, каждое его сипловатое слово будто прилипало ко мне, одним словом – настоящий педагог. Оказывается, в полнолуние мне придётся отказаться не только от женщин, но и частично от пищи, то есть соблюдать пост. Признаться, не ожидал, что нечестивцы ведут праведный образ жизни. Слушал я его долго, не перебивая, для себя, конечно, узнал много нового и необычного. Мне было жутко страшно и жутко интересно, и здесь, кажется, я попал не в свои сани. Как только образовалась пауза в нашей беседе, я спросил у него:

– Как мне вас называть? Может, ваше злодейство?

– Или просто Черчилль? Больно уж вы внешне на него похожи.

– Обращайся ко мне на ты, а зовут меня Аббат. На прозвище Черчилль я не обижусь, всё-таки фигура достойная, но не вздумай Адан назвать Маргарет Тэтчер, она за это лягнуть может.

Потом он подал мне книгу. На засаленной кожаной обложке бурыми буквами начертано название ТАББА НАДА.

– Передаю тебе Пронькину эстафету, будь с ней поаккуратнее, никому читать не давай, да и вообще о ней помалкивай. Ты ведь не маленький, чего тебе объяснять. Читать её будешь, как я тебе уже говорил, ночами в полнолуние при зажжённой свече или масляном фитиле, в общем, огонь должен быть живой. Огонь поставишь с правой стороны от себя, а стакан с сырой водой – слева. Прямо перед собой поставишь зеркало, и что бы ни происходило за твоей спиной – не оборачивайся. Смотреть на то, что за тобой, можно только через зеркало. Читать будешь вполголоса до тех пор, пока огонь сам не погаснет. Потом выпьешь всю воду.

– Это чёрная магия? – спросил я.

– Нет, чёрная магия – это книжка для домохозяек и девок-дурёх, которые присушками занимаются и ворожкой. У этой книги аналогов нет, в переводе на понятный тебе язык – «Тебе надо». А тебе именно это надо.

Я держал эту книгу и стоял как вкопанный, не зная, что делать – радоваться или бросить её в костёр и бежать отсюда без оглядки. Только сейчас я серьёзно стал понимать, во что я вляпался. Просто так отсюда не сбежишь. Нужно как-то поделикатнее отказаться от этого подарка.

– Ведь это не правда, – начал выкручиваться я. – Пронькину книгу сестра сожгла.

Черчилль поднял брови.

– Это она так считает, а на самом деле в печи горели Пронькины резиновые сапоги. Книгу вовремя подменили, её нельзя сжечь или украсть, она охраняется надёжными сторожами.

– Знаешь, – снова завёлся я, – на меня все книги, особенно вечером, действуют как снотворное: прочту страницу и засыпаю как убитый.

– С этой книгой не заснёшь, – похлопал меня поплечу Черчилль. – Просто не дадут.

– Да и язык какой-то непонятный, – опять заартачился я.

– Тебе сразу, конечно, не всё будет ясно, да тебе это для начала ни к чему, главное, его понимают те, для кого ты читать будешь, а они уж сами о тебе позаботятся.

– А кто это они? – удивился я вслух.

– Когда читать начнёшь, в зеркале их сможешь увидеть.

«Наверное, чертей, – подумалось мне. – И этот Черчилль – наверняка самый настоящий чертило, и на голове у него под котелком точно есть рога».

– Знаешь, Аббат, когда я шёл ночью на могилу колдуна, у меня была одна цель – научиться летать, может быть, овладеть каким-нибудь волшебством, для того чтобы удивлять зрителей, научиться врачевать, стать знаменитым и неповторимым.

– Летать ты действительно будешь, – уже с раздражением в голосе начал говорить Аббат, – но пока только тогда, когда я этого захочу. Ты станешь настоящим магом, а не каким-нибудь фокусником, твои номера не повторит ни один иллюзионист. Ты станешь знахарем, и перед тобой будут отступать тяжкие недуги. Но распыляться на публику, жаждущую зрелищ, не нужно. В нашем деле надо быть поскромнее, иначе беды не миновать. Народ к этому ещё не подготовлен, но придёт твой час, станешь ты летать над толпой когда захочешь, и превращать поля в сухие пустыни, сам будешь оборачиваться на глазах у всех в животных и зверей. Все от удивления падать будут перед тобой на колени. Захочешь кого-нибудь наказать – посадишь ему репу на задницу, до конца своих дней не сведёт.

– А пока готовь себя быть монстром.

От услышанного у меня озноб прошёл по всему телу.

– Зачем мне превращаться в животных?

– Ну как же, перед тобой откроется иной мир, и только так ты сможешь войти в него – для людей он закрыт. Таким образом ты будешь общаться с себе подобными.

– Можно мне ещё подумать? – взмолился я. – Всё это для меня так неожиданно, вдруг не справлюсь?

– Справишься, обязательно, – снова затараторил Чер чилль. – Ты только поверь, а по вере твоей и воздастся тебе.

– Пойми меня, Аббат, здоровья нет совсем, голова кружиться стала, шишка какой-то на спине растёт. Неужели нет никакой альтернативы?

– Выбор уже сделан, – резко оборвал меня Чер чилль. – То, что голова кружится, – это естественно, много крови потерял, скоро восстановится, а вот шишка пусть и дальше растёт, как только объёмом примерно в один литр станет, так и расти прекратит. Это твой двигатель внутреннего сгорания объёмом в тысячу миллилитров. – Он как-то зло хихикнул. – Не переживай, приживётся она, и думать о ней забудешь. Немного нужно пожертвовать красотой, наденешь курточку на себя посвободней, будет незаметно, это ж не рога! Альтернатива, конечно, есть, незаменимых не бывает, но кандидатура твоя самая подходящая, да и жертвовать придётся не малым. До тебя, я вижу, не доходит? Ты взгляни на свою перспективу, пройдёт совсем немного времени, откроешь собственные курсы парапсихологов, слушатели потянутся к тебе гурьбой, поведёшь их за собой, и курсы твои станут сектой учения ТАББА НАДА. С такими способностями все страны охватишь. На руках тебя будут носить, в роскоши жить будешь. А что артисты? Они бывают в лучшем случае заслуженными или народными, а ты станешь великим! Мне не понятно: за что ты так уцепился, что там у тебя за выступление такое, если ты готов променять на него власть, популярность и дружбу со мной? Когда у тебя концерт будет?

– Во вторник, в Сосновке.

– Я, пожалуй, посмотрю, – пообещал он мне.

От досады я выругался трёхэтажным матом, брови у Черчилля поднялись вверх до краешков котелка, он словно надулся и зашипел:

– Не смей никогда при мне выражаться! Хотя мат и является молитвой к сатане, но в данный момент он не к месту, – и тут же сразу обмяк. – Всё же в культуре работаешь, тем более дама с нами. Ну ладно, долго я с тобой проговорил, а у меня тут своих дел невпроворот. На сегодня свой визит к подружке отмени до другого раза, держи свой учебник покрепче и лети домой.

– Мне, значит, домой, пост держать, а сам тут скотоложством заниматься будешь? – съязвил я.

Черчилль засмеялся и похлопал меня по спине, по самой шишке.

– Вот за это ты мне и нравишься, с юмором ты, не в бровь, а в глаз попал. Ну, давай, до скорого.

Ноги мои оторвались от земли, и вот уже верхушки сосен подо мной; внизу, кроме потухающего костра, ничего не видно, а надо мной звёздное небо и полная луна. Выделять фигуры высшего пилотажа мне что-то совсем не хотелось, и я прямым курсом отправился домой в раскрытое окно.

Глава 6

Просыпаться совсем не хотелось. Лёжа в полудрёме, я попытался проанализировать: что же всё-таки произошло? Хорошо бы, если б это был сон. Я открыл глаза, посмотрел на футболку: чёрная полоса от какой-то смазки на рукаве, а на руке – ссадина от удара. Значит, это жуткая явь, а не приключенческий сон.

После водных процедур, не завтракая, достал книгу, положил перед собой на стол и стал рассматривать. Утверждать не стану, что книга была написана от руки, но и на печатную не похожа. Разглядывая кожаный переплет, я невзначай раскрыл тайну названия книги: если прочесть его справа налево – получатся имена моих новых приятелей. Да, сколько ещё загадок хранит в себе эта книга? Между строк были серые полосы. Очевидно, ранее читавший её грамотей грязными пальцами водил по тексту, а переверачивая страницы, слюнил их. Все буквы были бурого цвета, неровными и немного корявыми, и ни одной заглавной. Не было ни предисловия, ни содержаниями разделения на главы. Слова в книге были короткие, как обрубленные, в большинстве заканчивались на «а». К примеру, слово «скока», на мой взгляд, нужно понимать как «сколько». Текст изобилует архаизмами: «денно и ночью», «глас», «алкать», «юдоль». Весь текст шёл без знаков препинания, были только апострофы и лишь одна точка в конце всего произведения. Все страницы пронумерованы, последняя – 666. Что означает это число, думаю, не нужно объяснять. Вот так, сидя перед книгой, сжав кулаками виски и прокручивая в голове события прошедшей ночи, я просидел полдня, мысленно представляя своё будущее, и никак не получалось у меня увидеть его в радужных тонах, как-то всё гнусно и страшно.

Мало того, сам попав в дьявольские сети, я ещё народ должен тащить за собой. Это мне напомнило козла с мясокомбината. Не помню, кто рассказывал эту историю, но вроде рассказ достоверный. На мясокомбинате обучили козла профессии погонщика скота. Когда скот, привезённый на забой, предчувствуя свою гибель, не хотел идти в загон, козёл выходил первым и призывал всех двигаться за ним. Приговорённые животные видели в нём предводителя и доверчиво следовали за козлом, а когда ворота за ними закрывались, он забирался на крышу навеса и оттуда созерцал, как сородичам резали горло.

Уметь летать – об этом не только мечтать, а даже фантазировать мне не пришлось бы в голову; теперь же это стало реальностью. Не могу сказать, с чем это можно сравнить, пожалуй, с наркотическим опьянением; хотя наркотики никогда не употреблял, но воображение у меня неплохо развито. Вот только цена этих полётов меня не очень устраивала. Однако же стать эдаким монстром – очень заманчиво. Сколько проблем можно решить одним махом!

Откинувшись на спинку стула, я мечтательно погрузился в фантастический мир: построю себе замок с многочисленными каминами, огромным аквариумом, зимним садом, бассейном, и чтобы павлины гуляли во дворе, и я в роскошном халате пью дорожный коньяк. Хорошо бы устроить мировую сенсацию, чтоб на Нобелевскую премию потянула. Например, при сгорании алмаз превращается в углерод, а я открыл бы способ из углерода делать алмазы. Вообще-то миру известны алхимики, и наверняка, что сгорело, назад не вернуть. А можно совершить научное открытие в области медицины: отращивать ампутированные конечности, я ведь читал где-то в научном журнале, что в инфракрасном излучении видны потерянные пальцы, руки и ноги. Наверняка эта идея ещё никому в голову не приходила. Я тут же себе представил, как огромные очереди инвалидов отовсюду на носилках, колясках, костылях стекаются к моему замку и покидают его на своих ногах.

Прославлюсь на весь мир. Хотя Пронька – всю деревню лечил, даже от гангрены кого-то избавил, а люди по отношению к нему оказались неблагодарными, даже хоронить на своём кладбище запретили. А какая им, собственно, разница, от кого получить помощь – от простого врача или нечистого. Вспомнился мне финал Фауста... А эта коняга Адан что-то не так сде-

лала – вот и результат, морда лошадиная. Черчилль и меня предупреждал насчёт свиного рыла. Пронька в таких муках из жизни уходил наверняка не потому, что съел чего-нибудь, и почему тогда ему не помог этот нечисть Аббат? Мне эти метаморфозы совсем ни к чему.

Заглянув в календарь, выяснил, что фаза луны меняется только завтра. Выходит, в этом месяце у меня только одна ночь на чтение этого шедевра. Пожалуй, нужно попробовать, ну а там видно будет. Отосплюсь сегодня днём, чтобы ночью во время чтения не зевать, и я, обернув книгу газетой, сам не зная почему, спрятал её в бельевой шкаф под простыни.

К вечеру, заварив чай покрепче и отпивая его из кружки, стал готовиться к ночному ритуалу: снял в ванной комнате с двери зеркало и установил его на письменном столе. По левую сторону от себя поставил почти полный стакан воды, а большую новую свечу, закрепив её на блюдце, установил справа, между стаканом и свечой бросил своё ярмо – книгу. Сам сел напротив. Допивая чай и рассматривая себя в зеркале, мысленно говорил своему отражению: «Дурья твоя голова, куда ты лезешь? Может, ещё не поздно?» И словно получил от него ответ: «Уже поздно, давай, тебе пора, выключай свет, зажигай свечу».

На какое то мгновение мне показалось, что моё отражение и я – два разных человека. Этот, в зеркале, мне противоречит, и я иду у него на поводу. Я ещё долго рассматривал его, пытаюсь понять, что в нём не так, и, не определив конкретной разницы, стал дожидаться полуночи. Зажёг свечу и, с таким чувством, словно собираюсь совершить прыжок с парашютом, сделал глубокий вдох и чуть было не перекрестившись, раскрыл книгу и полушёпотом начал читать, не совсем понимая, о чём в тексте идёт речь. Некоторые слова мне были незнакомы, и вот так, тупо повторяя написанное, пробегая по строкам взглядом, я бубнил текст как мантру. Строки сливались у меня перед глазами, я начал сбиваться, возвращаться к прочитанному, и, чтобы не повторяться, мне пришлось пальцем водить под строкой. От этого бестолкового чтения со мной что-то стало происходить: я почувствовал себя вначале крошечным гномиком, и всё вокруг меня стало огромным; затем, наоборот, становился великаном, а всё, что меня окружает, – каким-то мизерным; и вновь возвращался в первоначальный размер.

После всех этих преобразений за спиной я услышал чьё-то дыхание и какое-то движение. От страха я втянул голову в плечи, мне хотелось забраться с ногами на стул. Не испытывая никакого любопытства, уставившись в книгу, я без остановки продолжал читать, боясь посмотреть в зеркало и тем более по сторонам. Одно желание сверлило мне голову: скорей бы это закончилось! Переворачивая страницу за страницей и в дальнейшем понимая, что за спиной никто не собирается причинить мне какой-либо вред, я понемногу успокаивался и расслаблял своё скованное тело. Несколько раз приходила мысль – поднять голову и хотя бы мельком посмотреть в зеркало, кто же там за спиной шевелится? Но решил отложить эти смотрины до следующего раза. Затем тот, кто был за спиной, дунул, и огарок свечи погас. Стало совсем тихо, начинался рассвет.

Подняв стакан с водой словно водку, сделал выдох, выпил его залпом и, откинувшись на спинку стула, медленно поднял веки и посмотрел на своё отражение. О ужас! Передо мной пусто, отражения в зеркале не было.

Глава 7

Во вторник была прекрасная погода, это меня и огорчало. В хорошую погоду посещаемость зрительного зала резко снижалась, отдыхающие пансионатов и санаториев предпочитали проводить время более романтично, на свежем воздухе: кого-то тянуло к воде, кого-то к водке, иные заводили романы и прятались в кустах, а кому-то хотелось попеть песни под баян массовика-затейника. Сидеть в душном зале не многим нравится. Только дождь и холод собирал мне зрителей в достаточном количестве, поэтому меня всегда радовало ненастье в день моего концерта.

Но не только хорошая погода мешала мне собирать зрителей. Здесь ещё конкуренция, каждый вечер проходят какие-нибудь концерты, в крайнем случае – кино. Буквально за день передо мной работали циркачи, а три дня назад выступал военный ансамбль песни и пляски. Если на моё шоу собиралось зрителей семьдесят, я был безумно счастлив.

Тем не менее, какие бы затруднения ни возникали, работать в Сосновке мне всегда нравилось: прекрасный зал на пятьсот мест, великолепная акустика, можно работать без микрофона (так в основном я и делал), огромная глубокая сцена, рабочий занавес, а свет софитов просто валит с ног. И ещё, чуткое отношение заведующей культурой. Она меня всегда встречала у ворот проходной, сама открывала мне зал и тут же обговаривала дату моего следующего приезда. На протяжении нескольких лет, примерно каждые две недели, всё лето я работал в Сосновке, которая стала мне уже родным домом. Поскольку больших сборов я не ожидал, да ещё важная персона должна присутствовать и дать оценку моим способностям, настроение было так себе.

Приезд в дом отдыха прошёл как обычно. Я распевался в гримёрной, всегда ставлю голос таким образом, если предстоит работать без микрофона. В дверь постучалась заведующая культурой и попросила у меня ещё билеты, потому как триста уже продала. Этим она меня просто ошеломила:

– Каким образом вы их собрали?

– Да здесь в Речкуновке семинар какой-то проходит, вот все слушатели и решили прийти.

Там ещё толпа желающих стоит.

От такой информации я запел арию Мефистофеля: «Люди гибнут за металл...»

Открылся занавес, и, как всегда волнуясь, под звуки фанфар я вышел на сцену. Софиты ослепили, зрителей не видно, только по звуку аплодисментов и было понятно, что в зале аншлаг. Первый номер моей программы – запоминание тридцати четырёхзначных чисел за полторы минуты. Этот номер служил мне визитной карточкой, позволяя заработать хорошие аплодисменты. Бывало, конечно, допускал ошибки, но такое случалось крайне редко. На этот раз всё прошло гладко, без задоринки, и после оваций я, уже вдохновлённый, крепко стоял на ногах и легко вошёл в образ настоящего мага. Все последующие номера пошли уже просто на одном дыхании.

После карточных фокусов по сценарию я демонстрировал каталепсический мост. Обычно для этого номера приглашались на сцену три зрителя. Из них я выбирал самого крепкого и приводил его в состояние каталепсии – это значит, тело его становилось твёрдым и нестигаемым.

Двое других помогали мне уложить его на спинки двух стульев, стоящих друг против друг на расстоянии человеческого роста. Укладывали его так, чтобы он лежал пятками на спинке одного стула, а затылком – на спинке другого. Затем эти двое помогали мне вновь поставить его на ноги. Я возвращал зрителя в бодрствующее состояние и под аплодисменты провожал всех со сцены.

Подходящих для этого зрителей обычно выбирал на глазок, покрепче и пошустрее. А тут, как на грех, ослеплённый софитами, не видящий никого в зале, я просто пригласил троих желающих мужчин подняться на сцену. Но желающих почему-то не нашлось, и мне пришлось уговаривать зрителей: что не нужно бояться, ничего страшного не произойдёт, и неужели нет настоящих мужчин в зале.

И вот на сцену вышла совсем неподходящая троица: один весом килограмм сто тридцать, а двое других изрядно поддатенькие. Я попросил осветителя немного убавить свет и поняли, в чём дело, выбирать тут не из кого, в зале преимущественно были женщины, ну а представителей сильного пола приходилось один-два на каждый ряд.

Прямо по центру в третьем ряду приветливо мне улыбался... Аббат. Он был без головного убора, волосы редкие, зачёсанные на пробор, ну вот кому его ни покажи – сказали бы: «один к одному Черчилль». Рядом с ним сидела дама в знакомой мне одежде, только поэтому я догадался, что это Адан. Представляю себе, если бы она пришла сюда с лошадиной мордой, вот это был бы концерт!

Их присутствие меня несколько не смутило, поскольку я уже вошёл в состояние куража. А когда я в кураже, да пусть хоть Ленин с Крупской в зале сидят, у меня всё будет без сучка и задоринки.

Ну что же, куда деваться, буду работать с теми, кто есть. Двоим выпивохам объяснил, для чего они сюда приглашены, а толстому сказал, чтобы он просто стоял и смотрел в зал на женщин. Ошеломив его резким наскоком, ввёл его в транс. Два моих помощника среагировали быстро и проделали всё в соответствии с консультацией: один подхватил его за ноги, другой – за плечи, и они, крихтя, уложили его на спинки стульев. Каждый встал рядом со своим стулом, придавив его коленом, чтобы не упал. Я же прошёл вперёд и сказал удивлённой публике:

– В таком состоянии он может пролежать трое суток и выдержать на себе вес пятьсот килограммов.

Зал ликовал, а потом внезапно стих. Я обернулся к своим участникам и сам чуть не впал в каталепсию. Мой загипнотизированный в том же горизонтальном положении висел в воздухе, возвышаясь над стульями примерно на метр. И вдруг, словно поток воздуха сдёрнул его с места, он плавно полетел вдоль сцены, затем вокруг неё, снова завис над стульями и мягко опустился на прежнее место.

Двое пьяненьких помощников от увиденного протрезвели и выпученными глазами смотрели на только что летавшего детину, который теперь лежал на спинках стульев как замороженный. По моему сигналу они подхватили его и поставили на ноги. После моих слов: «Глаза открываются, тело расслабилось» – могучий детина обмяк, пришёл в себя и с глупым видом громко спросил: «А чё было?»

Зрительный зал был в восторге. Я раскланивался направо и налево, низкий поклон ответил персонально Аббату и его спутнице.

Для следующего номера я пригласил семерых зрителей. На сцену поднялись шесть дам и один мужчина лет сорока. Рассадив всех на стулья, поставленные полукругом, как всегда под соответствующую музыку, предложил закрыть глаза и прочёл им магическим голосом соответствующий гипноритм. Долго стараться не пришлось, все мои перпаценты вошли в транс. Мужчина на вопрос: «Как вас зовут?» – представился, как и всегда: «Олег Газманов». Я включил приготовленную заранее фонограмму песни «Эскадрон», и когда прозвучали слова «мои мысли – мои скакуны», мужчина поднялся с места и начал скакать по сцене, точь-в-точь как Газманов, крутя в руке отключенный микрофон. Но вот случившееся с дамами, сидящими тут же на стульях, стало для меня полнейшей неожиданностью. Они вскочили с мест и, совершенно профессионально высоко поднимая ноги, стали танцевать канкан. Зрители аплодировали и хохотали до истерики. Я ж стоял у занавеса и дирижировал, демонстрируя зрителям, что

всё идёт по сценарию. Когда «Газманов» и весь кордебалет вернулись в зал, настала очередь финального номера с зеркальцем.

Подняв правую руку с зеркальцем, я объявил громко и нараспев: «Девушки и дамы, желающие увидеть в зеркале суженого, прошу на сцену». Как ни странно, никто не изъявил желания. Все сидели, переглядывались и шушукались. Стало понятно: никому не хотелось стать посмешищем, как предыдущим участницам. Но вот подняла руку дама средних лет в синем платье и спросила:

– Можно увидеть родственника?

– Пожалуйста, любой ваш каприз будет исполнен, – и жестом позвал её на сцену. Поднося зеркало к её глазам, я продолжил:

– Сейчас это обычное зеркало станет для вас волшебным. Итак, перед вами...

Она, посмотрев в зеркало, ойкнула:

– Сестра, она такая бледненькая, и губы синюшные. У неё тяжёлое заболевание.

Чтобы не омрачать своё выступление, я воспользовался приемом, к которому никогда не прибегал. Продолжая держать перед ней зеркальце, произнёс:

– Не забывайте, что это зеркало волшебное, и сейчас произойдёт чудесное исцеление. Вы видите, как её глазки заблестели, на щеках появился здоровый румянец, она улыбается, и теперь с каждым днём, с каждым часом ей будет становиться всё лучше и лучше. Самочувствие будет улучшаться до тех пор, пока не настанет полное выздоровление, – и убрал зеркало в карман.

Дама, смахнув слезу умиления, готова была броситься мне на шею.

Поблагодарив всех за тёплый приём и то участие, которое они принимали в концерте, пожелав всем прекрасного загара и отдыха, раскланиваясь под бурные аплодисменты, я прощался с публикой, не желавшей покидать зал.

В этот вечер от своего выступления я был в таком восторге, что ощущал себя на седьмом небе, хотя понимал, что в последних трёх номерах моей заслуги нет. Вот только кто помог – чтение ТАББА НАДА или эта чёртова парочка? От зрителей даже в гримёрке не было отбоя, одной даме подписал автограф на манжете её костюма, другой подставил щёку, позволив себя поцеловать.

Но в грим-уборную заходили не только поклонники: кого-то интересовали предсказания, другие, которых было большинство, просили излечить от болезней. Тут я сориентировался, сразу решив, что «эффект плацебо» сработать должен наверняка. Когда пожилая женщина показала мне ячмень на глазу, я симитировал плевок в глаз и показал ей кукиш. Подобное я уже видел, когда-то и мне в детстве подобным образом старенькая соседка сводила ячмень, но ко всему этому она еще что-то нашёптывала, и помню, мне тогда помогло. Тучная дама пожаловалась на больную печень, я сделал несколько пассов рукой в области правого бока и тут же получил от больной благодарность: «Спасибо, сразу легче стало». Артериальное давление выравнивал секунд за тридцать, всё теми же пассами. От платы за лечение я отказывался, и не потому, что я такой бессребреник, а потому что сегодняшний концерт меня осчастливил, а это дороже денег, и чувство удовлетворения меня просто распирало. Но бутылку сухого вина и шоколадку отвергать не стал, пообещав выпить за их здоровье. Зрительница в синем платье, та, что выходила на сцену смотреть в зеркало, дождалась меня у входа и, восторгаясь моими способностями, оставила мне номер телефона, предложив выступить на их предприятии с подобным концертом или хотя бы с оздоровительным сеансом.

Выбрался я наружу из клуба на свежий воздух часа через полтора, надеясь ещё раз увидеть своих друзей-нечестивцев, поблагодарить их и распить вместе бутылочку винца. Но, увы, они меня не дождались.

Глава 8

Ну вот, кажется, моя многолетняя заветная мечта достигает своего апогея, и теперь становится реальным сделать свою программу действительно волшебной. И надеюсь, «ТАББА НАДА» мне в этом поможет. Нужно посоветоваться с Аббатом по поводу моего выступления в городском цирке, если он поможет, я действительно скоро стану великим магом. Аббат меня предупредил, чтобы без его ведома – никакой самодеятельности, но, надеюсь, проведение концерта на предприятии мне не обязательно согласовывать с ним, и я направился к телефону-автомату звонить даме в синем платье.

Стоило мне набрать номер и представиться, как радостный голос просто закричал в трубку, слова благодарности буквально посыпались на меня. Оказывается, её сестрица, отражение которой она видела в зеркале, пошла на поправку.

– Её выписали из больницы, и она теперь у меня дома, медсестра приходит делать ей уколы, – сообщала она. – Врачи, конечно, убеждены, что это произошло их стараниями, а вот мы уверены – это ваше воздействие привело её к выздоровлению.

У неё на работе, оказывается, уже все знают о моём выступлении и были бы рады встрече со мной. Концерт проводить не обязательно, а вот полечиться всем хотелось бы, особенно похудеть. Все расходы берёт на себя профсоюзный комитет. Но поскольку после работы многие спешат домой: кому в детский сад за ребёнком, кому собаку выгуливать или мужа кормить, – удобнее эту встречу организовать в обеденный перерыв.

Меня это вполне устраивало, всего-то на один часок, вдобавок машину за мной обещали прислать. Распланировал я своё выступление таким образом: минут пятнадцать рассказываю о своей работе и на что способен, приведу парочку наглядных примеров; вызову на сцену желающих бросить курить, устрою им тошноту и кашель от нескольких затяжек сигаретой; дам всем установочку на похудение, это у меня всегда хорошо получалось; оставшееся время посвящу остеохондрозникам, приму каждого индивидуально. Снятие боли в пояснице или суставах специальным прибором – на это у меня уходит полторы-две минуты, так что человек десять, пожалуй, смогу принять.

На другой день, к обеду, взяв с собой магнитофон, кассету «Медитативная музыка» и электроakupunkturный прибор собственноручной сборки, и даже без концертного костюма на директорской «Волге» приехал на предприятие.

Творческую встречу организовали в красном уголке, мест хватило всем; преимущественно зрителями были инженерно-технические работники. На маленькой сцене размером в шесть квадратных метров мне поставили три стула и магнитофон. Рассказав вначале откуда я такой взялся и на что способен, привёл несколько интересных и курьёзных случаев из своей артистической и целительской практики. Один из них довольно яркий и запоминающийся. Несколько лет назад, на гастролях, после концерта попросили меня навестить страдающую гипертонией тётю Гаю. Сама она прийти не могла, так как полтора года вообще не выходила из квартиры. Времени у меня было предостаточно, и я легко согласился.

На пороге нас встретила сама тётя Галя, и тут любому стало бы понятно, почему она всё время дома. Таких тётъ и дядь мне никогда не приходилось видеть – это была необъятная, совершенно бесформенная женщина: на пунцовом лице было три складки: две – это заплывшие глаза и ещё одна – рот; могучее тело было туго обтянуто платьем, хотя и назвать-то его платьем, наверное, нельзя – это просто огромный мешок из дорогой ткани с дыркой для головы. Никто не знал, сколько весит тётя Галя, потому как в магазине, который находится на первом этаже их дома, грузовые весы зашкаливали, когда она на них вставала.

Возможности весов были ограничены трёхстами шестидесятью килограммами. В общем, на глазок в тётю Гале было центнера четыре с хвостиком, виной чему послужил зверский аппе-

тит. Он просыпался каждую ночь и вёл её к холодильнику. Мне показали этот холодильник – большой, двухкамерный, почти рефрижератор. Дело в том, что вся многочисленная семья, проживающая в этой квартире, работала в торговле, и это чудо техники каждый день пополнялось разными яствами. Пожрать-то они любили все, и все были пухленькими, но, конечно, не до такой степени.

Когда я в него заглянул, тут же невольно проглотил слюну. Окорок и ветчина, сыры, рыба, торт и пиво, и, как мне пояснили, к утру половина всего этого будет уничтожена тётей Галей. Её огромный вес мешал ей не только ходить, но и не давал ей спать лёжа, в горизонтальном положении она просто задыхалась и уже больше года спала сидя в шезлонге на лоджии. Просьба ко мне была такой: снизить ей артериальное давление и умерить аппетит хотя бы наполовину.

Несмотря на то, что лежать на спине моей пациентке было тяжело и неудобно, сделать ей это всё-таки пришлось. Прodelав над ней несколько пассивов руками и введя её в транс, я начал ей внушать, что тело её стало лёгким, как пушинка, и она не ощущает под собою постель, сердце работает ровно и правильно; затем вызвал у неё отвращение к пище, дав установку на получение удовольствия лишь только от овощей и фруктов. Минут через сорок я вывел её из этого состояния, лицо её приняло нормальный телесный цвет, краснота спала. Первое, что она произнесла: «Я летала и действительно под собой ничего не чувствовала». Понимая, что за один раз вряд ли смогу помочь этой несчастной, пообещал зайти к ним через день. Когда я пришёл к ним вновь, она рассказала, что в первую же ночь вновь спала лёжа на диване и не подошла к холодильнику, следующей ночью она съела только ведёрко яблок. После второго сеанса она показала мне, насколько платье стало ей свободным. Мне пришлось встретиться с ней четыре раза, она уже выходила гулять по магазинам, и мечта родственников, проживающих с ней в квартире, – повесить замок на холодильник – сама по себе исчезла.

Приблизительно через год от её родственников пришло письмо: тётя Галя похудела и весит всего сто семьдесят килограммов, артериальное давление существенно снизилось, теперь она хочет выйти замуж, а у них другая беда – не знают теперь куда продукты девать.

Рассказав эту невыдуманную историю, я вызвал приятное оживление у публики и ещё раз убедился в том, что тема эта актуальна.

Следующим примером был рассказ о курильщике с шестидесятилетним стажем. На следующий день после моего сеанса он заставил свою бабушку перестирать все штаны и рубашки, настолько ему был противен запах табака. Тут же пригласив на сцену желающего избавиться от пагубной привычки, после нескольких затяжек заставил его кашлять и плевать.

Показав всем самодельный приборчик для электроакупунктуры, объяснил всем, что здесь нет ничего особенного: стимулируя определенные точки на ушной раковине, я воздействую на тот или иной орган и привожу его тем самым в нормальное состояние. Прибор особенно эффективен при остеохондрозе. Я никому не обещал вылечить и избавить навсегда от недуга за один раз, но улучшение, конечно, будет.

Прошло всё так, как я и ожидал. Распрощавшись с довольной публикой, я зашел в бухгалтерию оформить расчёт, снова встретившись здесь с заказчицей моего выступления. С ней мы общались уже как старые друзья. Я поинтересовался самочувствием сестры. Она нахмурилась:

– Лучше бы вы меня не спрашивали о ней, – она так произнесла эту фразу, будто похоронила её. – Представляете, я забрала сестру из больницы к себе домой, чтобы ухаживать и долеживать её, так как приглядеть за ней больше некому, она вдова, муж её офицер погиб в Афганистане, детей нет, я единственный близкий ей человек. Всё, что осталось у неё от мужа, – это свадебный подарок, перстень с большим изумрудом. После замужества сестра изрядно располнела, и перстень с пальца уже не снимался, но из-за болезни она похудела так, что и до свадьбы такой не была; перстень стал свободно болтаться на пальце, но всё равно сестра никогда его не снимала. Узнав, что врачи вынесли ей приговор, что недолго уж ей осталось, она решила

передать мне по завещанию всё свое имущество: квартиру и денежные сбережения, только попросила похоронить её с перстнем.

Но вчера утром перстень исчез. В квартире посторонних никого не было, кроме медсестры из поликлиники. Муж мой и сын никогда бы этого не сделали. Мы перевернули всю постель – ни под кроватью, ни в кровати, нигде его нет. Сестра так расстроилась, что отказалась от еды и лекарства не принимает. А сегодня утром заявила, что уйдёт от нас и не будет жить с вором под одной крышей. Вроде бы до ухода медсестры перстень ещё был, после инъекции сестра уснула и, проснувшись, обнаружила его исчезновение. Вся наша семья была дома, и больше нас никто не навещал. У меня уже голова раскалывается, не знаю, на кого думать. Вот скажите мне, а нельзя ли в ваше зеркало вора увидеть?

– Такого мне делать ещё не приходилось, – я пожал плечами, – но отчего же не попробовать?

Зеркала своего у меня не было, пришлось воспользоваться её косметичкой. Введя её в транс, я попросил рассказывать всё, что она видит. Как будто остекленевшими глазами она долго смотрела в зеркальце и стала говорить, что перед ней шевелится не то шаль, не то покрывало дымчатого цвета, и больше ничего.

– Хоть бы имя узнать! Ой, вижу, струйка светлого дыма! – вдруг воскликнула она. – Как будто что-то пишет на покрывале, сейчас прочту, буквы быстро расплываются: «Тот Вася».

Как только произнесла она эти слова, сразу же пришла в нормальное состояние.

– Ну а теперь рассказывайте, кто этот Василий.

Она ответила не сразу, долго что-то припоминала, а затем словно отрапортовала:

– За всю жизнь знала только двоих, с одним в школе училась, лет тридцать тому назад, другой – мой тесть, но его лет десять нет на этом свете. Понятно, что покойник не возьмёт, другой тоже отпадает, мы с ним, пожалуй, с тех самых школьных лет и не виделись. Спросить нужно у своих домашних, может, кто-то из их знакомых «тот самый Вася».

Больше я ничего не мог сделать для неё, и прояснить как-нибудь эту ситуацию было не в моих силах. Получив из её рук свою зарплату, и пообещав позвонить ей ещё, я на той же директорской «Волге» меня отвезли туда, откуда привезли.

Весь следующий день я вспоминал этот случай, пытался как-то расшифровать, но отгадку так и не нашёл. Её могли знать, пожалуй, только двое: Аббат, он мастак в таких делах, и тот Вася, который спёр этот перстень.

Глава 9

Микрорайон, в котором я проживаю, на мой взгляд, забыт городскими властями. Пять маленьких магазинчиков: один из них промтоварный, четыре других – продуктовые, есть ещё пельменная, которая почти всегда закрыта на спецобслуживание: здесь проводят юбилейные вечера, свадьбы и поминки. Нет ни кинотеатра, ни Дома культуры, правда, имеется открытый сектантами в частном секторе молитвенный дом.

Совершенно бесцельно зашёл я в этот день в промтоварный магазин и, разглядывая товар на витрине и прилавках, обратил внимание на молоденькую кассиршу, не сводившую с меня глаз. Скрывать не стану, мне было приятно, что такая миленькая мной заинтересовалась. Не торопясь, я осмотрел все витрины, примерил туфли, которые покупать совсем не собирался. А она продолжала разглядывать меня. Не найдя лучшего способа заговорить с кассиршей, сделал в отделе совершенно ненужные покупки: тетрадь, линейку и карандаши. А с кассиршей стали происходить какие-то метаморфозы. Сначала она покраснела до самых ушей, затем, когда я подал ей деньги, она почему-то сунула их в карман, а не положила в кассу и, пробив чек, стала выдавать сдачу. В соответствии с ценой товара и поданными мною деньгами, мне причиталась сдача – тридцать копеек.

Кассирша же стала выкладывать все бумажные купюры, потом выгребла из кассы всю мелочь и высыпала её передо мной на тарелочку.

Вот, пожалуйста, спасибо за покупку.

«Надо же ей было в меня так втюриться с первого взгляда, – подумал я, – совсем девка от любви рехнулась».

– Девушка, вы с себя ещё часы не сняли, – пошутил я.

Она, не отрывая от меня взгляда, сдёрнула с руки часы и бросила их сверху на деньги. Тут мне окончательно стало ясно, что она ненормальная.

– Девушка, что с вами?

От моих слов она вздрогнула и словно проснулась, ойкнула и дрожащими руками стала собирать деньги в кассу. Посоветовав ей быть впредь повнимательнее, я, от греха подальше, поспешил из магазина.

Недоумевая и размышляя о произошедшем, всё-таки решил успокоить девушку и познакомиться с ней.

Она вроде бы ничего, приятненькая. Я повернул назад, но вход в магазин перегородила крупная женщина, вероятно заведующая. Свирипо глядя на меня, угрожающе стала предупреждать: если я ещё хоть раз переступлю порог этого магазина, со мной будут разбираться соответствующие органы, и посоветовала навсегда забыть сюда дорогу.

Спорить с ней, ругаться и объяснять что-либо мне совсем не хотелось, и я решил дипломатично разрешить это недоразумение – пойти в гастроном, купить коробочку конфет и спокойно, без скандала пообщаться с кассиршей и заведующей.

В очереди за конфетами меня увидела моя знакомая продавец, та самая, которой я отдал фотоснимки с похорон её свекрови. Она подошла ко мне и шепнула на ухо: «Зайди ко мне в подсобку». Купив конфеты, я прошёл в подсобное помещение, где бывал не раз, тут обычно меня отоваривали дефицитом, и на этот раз думал, что предложат какую-нибудь вкуснятину. Но вместо этого получил горькую пилюлю. Продавец рассказала, что утром приходил дядька с красным удостоверением, показывал мою фотографию, сказал, что это опасный гипнотизёр, он наверняка является их покупателем, и спрашивал, не было ли случаев, что после моего ухода обнаруживали недостачу.

Он попросил быть бдительнее, если что – сообщить ему сразу же. Вот тут всё и прояснилось. Оказывается, эта дурёха кассирша вовсе в меня и не влюбилась, а я-то губу раскатал. При

моём появлении она сама себе внушила передачу денег, и вот теперь я в промтоварном магазине стал «персоной нон грата». Мне вспомнились слова Аббата, он был прав, поосторожнее нужно быть. Решив проверить, насколько я популярен, заглянул ещё в два магазина – и действительно был узнаваем, очевидно, им показывали хорошую фотографию. Пришла мысль провести эксперимент с бумажкой, вместо денег подать её кассиру, но вовремя опомнился: как шутка этот номер у меня не прошёл бы, ещё закроют куда-нибудь, в тюрьму или психушку. Решив не испытывать судьбу, не наживать себе хлопот и горя, я отказался от этой затеи.

Вечером я был дома и приводил в порядок свой реквизит, подклеивал карты и открытки. Этим приходится периодически заниматься, весь реквизит у меня сделан собственными руками, только костюмы сшиты в ателье. Хотя мне известны иллюзионисты, которые и обшивают себя сами. Из-за частых выступлений и репетиций реквизит быстро приходит в негодность, порой колоды карт хватает на неделю. И вот, когда я занимался ремонтом своего скарба, раздался дверной звонок. Открыв дверь, увидел перед собой незнакомого мужчину, который тут же развернул красное удостоверение. Особо вчитываться я не стал, но принадлежность к органам была очевидна по одному только внешнему виду. Где-то я его уже видел.

Мне хотелось бы увидеть Николая Николаевича.

– Он перед вами, – представился я. – Входите, пожалуйста, – пригласил я его и провёл незваного гостя на кухню. – Вы уж извините, в комнату не приглашаю, у меня там не прибрано.

– Причина, собственно, была другая – мне не хотелось, чтобы посторонние видели мой реквизит и начинали догадываться, как делаются фокусы.

Во-первых, – начал он, – мне хотелось выразить вам благодарность за помощь в раскрытии преступления по делу Рассохиной Валентины Тимофеевны о пропаже перстня с изумрудом. Дело теперь закрыто, вор изобличён, перстень вернули законной владелице.

Говоря всё это, он разглядывал меня так, будто на мне росли цветы. И тут я вспомнил, где его видел. Вчера он сходил со мной с электрички и ехал в том же автобусе до моей остановки, да и рядом в очереди за пивом был, по-моему, он. «Наверное, живёт где-то по соседству, вот по просьбе начальства и зашёл поблагодарить, всё равно уж по дороге», – подумалось мне.

– И кто же этот прохиндей Вася? – лопааясь от нетерпения, спросил я.

– Расскажу вам всё по порядку. Валентина Тимофеевна пришла к нам с заявлением о краже, где всё подробно расписала, в том числе и магическое видение в зеркале, если, конечно, это так можно называть. Отправился к ней опытный оперативный работник. Одна из версий у нас была, что перстень присвоила медсестра, другая – племянник больной. Когда у них дома оперативник составлял протокол допроса, к нему на стол прыгнул котёнок и лапой со стола смахнул пробку от бутылки. Валентина Тимофеевна произнесла только одну фразу: «Васька, брысь отсюда», как наш опер сразу сказал: «Вот вам и вор: кот дымчатого цвета». Стали искать перстень по всей квартире, и пяти минут не прошло, как нашли пропажу в другой комнате за пылесосом. Валентина Тимофеевна тогда сказала, что струйка дыма на дымчатом покрывале быстро расплзлась и, вероятно, слово «тот» нужно было читать как «кот». Теперь всё семейство счастливо, вам от них двойное спасибо. Вы знаете, я всегда был реалистом, а тут на тебе, мистика, и каков результат! Да вы так, пожалуй, могли бы узнать, кто убил президента Кеннеди, – с восторгом, но как бы в шутку произнёс он.

– Не знаю, – ответил я ему, – на меня самого ваш криминальный рассказ произвёл неизгладимое впечатление, это какая-то нелепая случайность, я подобным никогда не занимался и сам в такое не поверил бы, услышав от других.

Мой незваный гость перевёл свой взгляд на окно и, задумавшись, сказал:

– Вот уже лето в разгаре, а я ещё окна в квартире не распечатывал, стоят заклеенные. У вас в комнате окно тоже запечатано?

– Да, тоже, – ответил я ему.

Оставив этот пустой разговор, он вновь вернулся к теме о моих способностях.

– Как же вам удалось развить такое в себе? Или это у вас с рождения?

– Всё, что я умею, достигается тренировкой.

– Да, но о вас ходят такие слухи, что вы мысли читать умеете и даже летать можете, – и впился в меня своими колючими глазами.

От этих слов у меня что-то ёкнуло внутри. Кажется, начинаю понимать, гость мой незваный зашёл ко мне не только благодарность передать.

– Вот как бы вы могли это объяснить? – начал докапываться он.

– А чего тут объяснять, чтение мыслей – это не что иное, как идеомоторный акт, а что касается умения летать, пожалуй, я только слететь откуда-нибудь смогу, а вот взлететь у меня не получится, как бы я руками ни махал. Называете себя реалистом, а сами такую чепуху говорите. Действительно в такое верите?

– Да я-то, конечно, нет, но люди-то говорят.

– Неужели вам на работе делать нечего? Зачем вы слухи разные собираете, бред это всё.

– Конечно, конечно, – согласился он, – но ведь зритель как бревно над сценой летал.

– Это мой профессиональный секрет. Вот если бы вы у Кио спросили, как он зрителя распиливает, что бы он вам на это ответил? Послал бы, наверное. У каждого иллюзиониста свои секреты, которые не всегда даже за большие деньги купишь, – тем самым, дал ему понять, что на эту тему я говорить не желаю.

Он покивал мне головой, но продолжил:

– Да, вы человек, безусловно, талантливый, а не могли бы вы свои способности направить по другому руслу, к примеру, пойти на государственную службу раскрывать преступления? Конечно, специальная комиссия должна вас обследовать.

От этих его последних слов я почувствовал, как запахло дурдомом. Ещё раз убеждаюсь в правоте Аббата:

– Нельзя высовываться раньше времени. Я сказал ему твёрдое «нет»:

Стать артистом я мечтал с третьего класса, путь мой к этому был настолько тернистым, что изменять своей профессии я не стану, да и не хочу отбирать ваш хлеб.

– Ну что ж, тогда извините, – засобирался он. – Вы интересный человек, и общаться с вами интересно.

– Может быть, ещё как-нибудь встретимся, мне всё-таки любопытно, как живёт иллюзионист. На сцене вас всегда увидеть можно, а вот в быту – не каждому дано. Разрешите взглянуть на вашу комнату, у вас там, наверное, всякие афиши на стенах.

– Нет, ничего особенного у меня в комнате нет, не считая одной дамы, она не совсем одета, так что сами понимаете.

– Да, конечно, я понимаю, – и ещё несколько раз повторил, – понимаю, понимаю.

В общем, кое-как с трудом распрощался я с ним, а потом долго ещё ломал голову, зачем он так рвался в мою комнату, и пришёл к выводу: хотел проверить, не открывалось ли окно. Очень может быть, какой-нибудь сторож или страдающий бессонницей видел мой прилёт или вылет из окна, ну и капнул куда следует. Мало того, что за мной устроили слежку, они ещё прославили меня по всем магазинам. Но услышанный мной результат истории с перстнем и котом Васей меня удивил и обрадовал, хотя после этого визита остался всё-таки неприятный осадок.

Глава 10

В церковь я решил зайти после обеденной службы, всё-таки народу поменьше, а то порой и не протолкнёшься, свечу поставить некуда. Вошёл в храм, перекрестившись, как все это делают. Взял свечу, не слишком дорогую и не самую дешёвую, и пошёл вдоль образов, ища нужный, – поставить её за упокой своего приятеля с детства. Уже год, как свёл он счёты с собственной жизнью.

Нелегко ему в этой жизни пришлось. Пить ему нельзя было совсем: выпив, становился агрессивным и придираться к любому норовил, затеять драку и в результате раза четыре или пять попадал в места не столь отдалённые, где и провёл в общей сложности лет двадцать. Вернувшись в последний раз из заключения, родителей в живых уже не застал, и намерения у него были благие: устроиться на работу, жениться и больше никогда не пить. Недолго он продержался, после первой же полочки пошёл в загул, а через полгода повесился в ванной комнате. Честно признаться, я и думать о нём забыл, но в последнее время часто стал видеть его во сне. Вот мне кто-то и сказал: «Помянуть надо».

С этим намерением я и зашёл в храм, поставить свечу и заказать молебен. Остановил я свой взгляд не на иконе, а на женщине, которая занималась уборкой: она собирала огарки свечей, вытирала образа. Одета она была в монашеское платье, видно, что новое, с иголки. Невероятно красивая женщина лет тридцати, ни грамма косметики на лице, длинные изогнутые брови и большие чёрные глаза, просто донская казачка. «Ей бы фотомоделью стать или в кино сниматься, – подумал я, – а она вот выбрала себе дорогу в жизни нелёгкую и мрачную, хотя наверняка могла бы осчастливить кого-нибудь, допустим – меня». Прекрасно понимая, что церковь не то место, где можно закадрить даму, а тем более монахиню (грех, думаю, это не смертный): какое-то чувство или желание потянуло меня в её сторону. Желание поговорить с ней перебороло такт.

Мне было известно, куда ставят свечи в данном случае, но, прикинувшись чайником, я заговорил с ней:

– Не подскажете ли мне, как поставить свечу за упокой и что при этом нужно говорить?

– Пойдёте к этой иконе, – почти шёпотом сказала она, и от этого шёпота у меня внутри стало как-то тепло. – За чей упокой вы хотели поставить свечу?

– Да вот, товарищ мой, год как повесился, а теперь по ночам снится, говорят, в таких случаях поминают.

– Мой ответ её испугал.

– Ни в коем случае, Закон Божий гласит: ни отпевать, ни поминать самоубийц нельзя, на самом дне ада находятся они, грех это непростительный. Но бывает так, что кто-то убил, а инсценировал самоубийство, здесь, конечно, расследование должно быть.

– А если никто не расследует?

– Бог всё знает и без молебна ему все грехи простит и примет в царствие своё. Но уж поскольку свечу вы взяли, поставьте её за других умерших родных и знакомых и всех православных христиан и скажите так: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих, прости им согрешения вольные и невольные и даруй им царствие небесное».

Она мне всё это говорит, а я думаю: каким образом мне свидание ей назначить? Театр и ресторан отпадают сразу, оскорбится и не только разговаривать не захочет – прочь меня прогонит. Ну нет такого места вне церкви, где с монахиней можно пообщаться. За такой бы я сам в попы пошёл.

– Спасибо вам, матушка, за науку, – сыронизировал я, – а не подскажете мне ещё, как зовут вас?

– Я вам не матушка, а сестра, и имя вам моё не к чему знать, – лицо её при этом стало строгим, она быстро повернулась и ушла за какую-то дверь.

– Ну и лопух же я, нужно было как-то по-другому, спросил бы лучше, чем отличается Ветхий Завет от Нового Завета, глядишь, она бы и разговорилась, а теперь она от меня шараться будет.

– Я сделал всё так, как она сказала: свечу поставил и помолился, потом вышел за церковную ограду с намерением не раз ещё вернуться. Буду заходить и здороваться с ней. Глядишь, она ко мне и привыкнет. Хорошо бы еще у кого-нибудь разузнать о ней. У священника спрашивать глупо. Кто я ему? Ничего не расскажет. А если даже и расскажет, то нет у меня шансов на взаимные чувства. Самое разумное – выбросить эту затею из головы. Но на деле это оказалось невозможным.

На следующий день я поехал в центр города, просто прогуляться. Я люблю свой город, особенно центральную его часть. С детства мне нравилось ходить по улицам, разглядывать старые строения, заходить во все магазины подряд, не имея намерения что-нибудь приобрести, – так просто, поглазеть на витрины. В те далёкие годы мне особенно нравился спорттоварный магазин на Красном проспекте. Сам магазин был не очень большим, но какой был в нём охотничий отдел! Это просто несбыточная мечта, шикарный арсенал ружей. Оружейная пирамида начиналась с пневматической винтовки, мы называли её просто воздушкой, стояли тозовки, ижи одно- и двухствольные, и заканчивалось всё это великолепие трёхствольным ружьём. Мечтал, когда вырасту, куплю себе именно такое, возьму ещё патронташ и охотничий нож, всё это будет висеть у меня дома на ковре. Но тогда у меня денег хватило бы только на капсулы, которые мне никто бы не продал, так как в ту пору было мне лет десять, но вот вырос я, а охотником так и не стал, и не интересуют меня охотничьи заряды и вся эта амуниция.

В этом же здании находился магазин «Табаки». Как там сладко дышалось! А какие там были папиросы! «Тройка», «Три богатыря» – именно эти папиросы мне нравились больше всего, я их никогда не курил, так как в детстве не курил вообще и никогда не видел, чтобы их кто-нибудь покупал или где-нибудь курил. В основном брали папиросы «Север», сигареты «Памир» и «Прима», хотя на прилавке лежали даже гаванские сигары. В этом магазине я мечтал: буду большим, курить стану только «Тройку» и «Три богатыря» и сигареты с ментолом, аромат которых напоминал мне театральные конфеты. Но, увы, мечта моя не сбылась, курить я стал «Беломор» и болгарские сигареты с фильтром. Продолжалось это восемнадцать лет, пока я не порвал с этой пагубной привычкой – никотиноманией. А вот привычка гулять по центру и заглядывать во все магазины сохранилась.

Зашёл в магазин женской одежды, а там манекены разодеты в стильные наряды. Надеть бы такое платье на монахиню из церкви, красивее женщины не было бы на белом свете. Я ходил мимо платьев и костюмов, мысленно примеряя их на неё; прошёл в обувной отдел, но подходящих туфель ей подобрать не смог, придётся идти на барахолку, там можно найти подходящие. Ничего бы для неё не пожалел, нарядил бы как голливудскую звезду. А если бы она согласилась стать моей ассистенткой и на неё пришлось бы всё шить, я бы пошёл в отдел тканей выбирать ей что-нибудь блестящее с люреком. Увидев киноафишу, наотрез отказался, идти с ней смотреть американский фильм. Только в театр, и никакой пошлости, выберу классику, но только не трагедию – это омрачит её настроение, нужно что-нибудь полегче, может быть комедию. У неё, должно быть, обворожительная улыбка. Но начать всё-таки стоит с балета, слушать оперу сложновато, здесь надо быть подготовленным, а вот «Лебединое озеро» или «Спящая красавица» – то, что нужно. Места возьму не дальше седьмого ряда.

Я сел на скамейку у театра оперы и балета, а мысли мои отправились уже в свадебное путешествие. Конечно, это должны быть Сочи или Болгария, а лучше Кипр – это самый цветущий остров, о котором я знал только понаслышке. Вот интересно, какие цветы и духи она любит?

С духами, наверное, придётся повременить, церковники косметикой не пользуются, это я знал точно. Уж потом, попозже, когда она будет жить со мной в миру, выберем ей духи и золотые украшения. Украшение должно быть некрупным, но обязательно с бриллиантом. Это неземная женщина, я не могу без неё, мне нужно её видеть, хоть одним глазком.

Поднимаюсь со скамейки и иду в сторону храма. Скорость я сбавил только у церковной ограды. Она стояла во дворе у свечной лавки, перебирала какие-то бумажные листочки – это были записки от прихожан «о здравии» и «упокоении». Удобнее момент, чем этот, вряд ли ещё подвернётся, и я подошёл к ней со спины. Выдохнул и произнёс:

– Здравствуйте, сестра, вы меня помните? Мы с вами как-то общались.

Она обернулась, не очень приветливо посмотрела на меня, поздоровалась и ответила:

- Буквально вчера.
- Мне хотелось бы извиниться за своё пошлое поведение, поверьте, я не хотел вас обидеть.
- Я не обиделась, и ничего пошлого в вашем поведении не нахожу. К тому же у меня было плохое настроение.
- Кто же вам его испортил?
- Представьте себе, владыка, отказал мне в благословении.
- Что ж вы у него непотребное просили и чем вы ему не угодили?
- Она не ответила, только тяжело вздохнула:
- Может быть, не в духе был, да ему наверняка виднее.
- Что же это за владыка такой, я бы вам ни в чём не отказал. Хотите, поговорю с ним, у меня в епархии связи есть, – бессовестно соврал я. – Святой старец Никанор – мой самый лучший корефан. Позвоню ему сегодня, и он вашего владыку отчихвостит.
- Она хихикнула, прикрыв рот платком. Я только на мгновение увидел её белые ровные зубы и словно обомлел – до чего ж красивая!
- Не гневите Господа, я знаю имена всех святых старцев, среди них нет Никанора, – с трудом сдерживая смех, произнесла она.
- Да я сам скоро окончу ускоренные курсы священников и буду работать у вас самым главным, тогда просите у меня что хотите.
- Она спрятала улыбку. Милоё её лицо стало строгим, но от этого она стала ещё краше.
- Вы зачем сюда пришли? Если в храм, тогда вам туда, – она показала рукой на высокое крыльцо, – а если в лавку, это здесь. Тут свечи, иконы, можно и молебен заказать.
- Да я бы с удовольствием под венец, да вот пока не с кем. Встретил недавно одну. Не знаю, как сказать ей об этом. Если откажет – не переживу.
- На всё воля Господа, помолитесь и сделайте ей предложение. Господь поможет.
- Как же я сделаю ей предложение, если не знаю её имени? Спрашивал вчера, не говорит. Она смерила меня взглядом.
- Александрой меня зовут.
- А я Николай.
- Николай, неподходящую кандидатуру вы выбрали, поищите себе невесту в другом месте, а я готовлю себя к иной жизни. Была у меня семья, да больше не будет. Теперь я в услужении у Господа, заканчивается моя мирская жизнь, и из послушниц скоро перейду в монахини. Вот только пока благословения от владыки получить не могу, противится он этому.
- Всё правильно, ему видней. Не может такая красивая женщина заточить себя в монастырь. Вы созданы для того, чтобы украшать этот мир, а молиться можно не только в монастыре. Вот бабуля моя дома молилась утром и вечером, а в пост и праздники ездила в церковь.
- Не думаю, что на небесах её за это попрекнут. Всё-таки жизнь свою прожила она правильно, вырастила детей, водилась с внуками. Вспоминаю её только добрыми словами.
- Александра помолчала и, тяжело вздохнув, сказала:
- А у меня в жизни сложилась такая ситуация, что по-другому мне нельзя.
- Так что же произошло?
- Не буду я об этом вспоминать и рассказывать, ворошить прошлое совсем не хочется. Извините, мне, в общем-то, некогда, работы много, и ещё – прошу вас с такими намерениями в храм не приходите.
- Она повернулась и стала подниматься на крыльцо.
- Я догнал её и взял за руку.
- Не уходите.
- Ну, что вам ещё? – умоляюще произнесла она.

– Не уходите, оставьте хоть какую-нибудь надежду, мне ваш отказ не пережить. Нужно попробовать ещё раз, и я уверен, всё будет гораздо лучше. Я ведь вас в церкви встретил наверняка не случайно, значит, Богу так было угодно, вместе с вами буду молиться, лучшего наставника, чем вы, мне не найти. Скажите, когда у вас будет свободное время, так хочется поговорить в другой обстановке!

– У меня нет никаких похотливых намерений, мне необходимо с вами пообщаться, мне нужно вас видеть.

– Хорошо, – согласилась она. – Завтра после обеда, часа в три, мне нужно будет пойти в магазин «Тысяча мелочей», купить малярные кисти. Вы сможете проводить меня туда? Я не знаю, где он находится.

– Конечно, только скажите, где и когда мы встретимся, – я готов был обхватить её руками и кружить в воздухе.

– Завтра в три, вот тут, рядом, у киоска союзпечати.

– Спасибо вам, Александра. Значит, до завтра? – чуть не затанцевал я и почти вприпрыжку покинул территорию храма, с необыкновенной лёгкостью раздавая деньги нищим у ворот. Как мне хотелось полететь в этот миг!

Свиданиям я никогда не придавал особого значения. Конечно, приводил себя в порядок, утюжил брюки, брился, освежал себя каким-нибудь парфюмом. Никогда не покупал цветов и при встрече не дарил никаких подарков, не целовал дамам руки, понимал, что всё это неправильно, но вот такой уж я человек, такой же, как большинство моих знакомых. Сказывались издержки воспитания.

Но теперь стал совершенно иным. Я ходил весь вечер из угла в угол, ломая голову над тем, что же ей подарить при встрече? Это же не обыкновенная женщина! Прийти на свидание с букетом цветов? Мне показалось, что с ним она будет выглядеть как-то нелепо в своём церковном наряде. И как она с ним вернётся в храм? Там её могут не понять и за ворота больше не выпустят. Из памятки для прихожан мне известно, духами им пользоваться нельзя. Взять украшение из золота? Наверняка она сконфузится и не примет его. Ну не кадило же ей покупать! Мало того, я не видел, чтобы его где-то продавали, да и ни к чему оно ей. На мгновение я себе представил, как Александра идёт по храму, размахивая кадиллом. Нелепость какая-то! Да и, по-моему, этим делом только поп занимается. И тут же на меня снизошло: сумочка! Вот чем она может размахивать! Это будет прекрасный подарок, непременно чёрного цвета, чтобы ей к платью подошло. А может лучше белую или красную... Нет, только чёрную, ей другой цвет нельзя, и по размеру – не маленькую и не большую, и обязательно фирменную. Ну вот, одна проблема отпала.

Теперь надо подумать, как я должен выглядеть рядом с ней: поскромней или надеть свой концертный костюм? Белый, конечно, не годится – слишком резкий контраст; черный тоже не подойдёт, он из панбархата: а сейчас всё-таки лето. Меня этот выбор начал нервировать, и я выяснил, что надеть мне совсем нечего. В раздражении стал выбрасывать свою одежду из шкафа на кровать.

С ума сойти! Из пяти пиджаков – ни одного путного, хожу в чём попало. В результате остановил свой выбор на чёрных брюках и оливковом пиджаке. Надевать галстук или не надевать? У меня их не так уж много, хотя вот этот, узенький чёрный в косую полосочку, пожалуй, подойдёт. И ещё парочку новых носовых платков возьму, записную книжку и красивую ручку с пером, мало ли что, может, адресок записать придётся.

Теперь надо обмозговать, о чём с ней можно говорить. Ни в коем случае не проговориться, кем я работаю. Нашего брата-артиста церковь не очень жалует, говорят, что лицедеёв Бог не любит, и доверия нам мало, а для женщины стабильность важна. Сказать, что в КГБ работаю – нет, это ещё страшнее; на заводе – тоже не пойдёт, у меня на лбу написано, что я не слесарь. В общем: так: я для неё простой конторский служащий, часто выезжающий в коман-

дивовки, обыкновенный снабженец. А о том, что происходит со мной в последнее время, – не говорить ни под какими пытками. Неплохо бы блеснуть перед ней какими-нибудь знаниями из Священного писания, которых, как известно, у меня нет. Единственное изречение, которое я слышал от кого-то: «Пришёл в этот мир голым, голым из него уйдёшь». Да и то сомневаюсь, из Священного ли это писания. Но, к счастью, есть у меня дедушкино наследство – старенькое Евангелие, вот в него-то я и загляну.

С утра, едва дождавшись открытия магазинов, я ринулся на поиски сумочки. Повезло мне только в четвёртом по счету магазине, в «Синтетике». Как только заметил её на витрине, понял: это то, что нужно. Роскошная итальянская сумочка на длинном ремешке и с оригинальным замочком, а то, что она была самой дорогой и в единственном экземпляре, меня ещё больше обрадовало. Осталось выбрать маршрут, какой же дорогой лучше пойти с Александрой. Если она не знает, где находится магазин «Тысяча мелочей», значит, она приезжая, ведь его знает каждый новосибирец. Итак, путь должен быть длинным. Сначала поведу её по улице Советской, там как-то потише, затем – по Фрунзе и через центральный парк, там есть где присесть, съесть мороженое, попить водички, а потом уж за малярными кистями. Обратный путь – через сквер у оперного театра, там можно и в тенёчке посидеть; Первомайский сквер тоже неплохо... Нет, всё-таки зря я так сильно надушился, французская туалетная вода имеет стойкий запах и долго не выветривается, нужно умыться.

До трёх часов ещё целая вечность. Вот что, пойду на базар, выберу одну розу и вставлю её под клапан сумочки, кажется, это будет эстетично, и Александре понравится, тогда она уж точно не сможет отказаться от такого подарка. Бутоны цветка были белые и небольшой, мне показалось, что этого мало, и во внутренний кармашек положил шоколадку.

Смотрю на часы – стрелки будто не двигаются, ещё два часа до встречи, за это время можно сойти с ума. У газетного киоска я оказался на несколько минут раньше и вскоре увидел, как по противоположной стороне самая красивая, самая ненаглядная, мечта моей жизни идёт в том же церковном наряде, резко выделяясь этим из толпы прохожих. Не дожидаясь, когда она подойдёт: я перебежал улицу ей навстречу, спрятав за спину свой подарок, попытался поздороваться и не смог – в горле всё пересохло, и я с трудом прохрипел что-то непонятное, начал кашлять и откашливаться, и только тогда сиплым голосом смог извиниться за свою нелепую речь. Наверное, эта хрипота была у меня неврогенной, до этого со мной ничего подобного не случилось.

– Не обращайтесь внимания, сейчас пройдёт, это у меня от волнения, – нисколько не соврал я. – Не сомневайтесь, Александра, я ещё разговорюсь. Так значит, мы идём за кистями, – уже более чистым голосом произнёс я эту фразу.

– Да, нам нужны две малярные кисти, один из прихожан сказал, что в магазине «Тысяча мелочей» большой выбор. Пойдёмте туда.

– Я тут подумал, в чём мы с вами понесём эти кисти, и прихватил с собой вот такую торбочку, – и из-за спины достал свой презент.

– Николай, зачем? – у Александры округлились и без того огромные глаза. – Можно было и без этого.

Но сумочку взяла и стала её рассматривать.

– Вы знаете, я никогда ни у кого такой не видела, это какая-то прелесть, и эта роза... Вы волшебник, спасибо вам. – И лицо её стало таким счастливым.

«Точно определила, – подумал я, – что есть, то есть. До чего ж я молодец, как всё точно рассчитал». Хотя на самом деле не ожидал такого эффекта.

– Я никогда не получала подобных подарков, вы, наверное, разорились?

– Стоит ли говорить о таких пустяках? Пойдёмте вот так, – и повёл её запланированным курсом.

Она надела сумочку на плечо и стала смеяться. – Не представляете, какой вы устроили мне праздник. Расскажите мне о себе.

– Что о себе скажешь, старый холостяк без вредных привычек, инженер по снабжению, по командировкам мотаюсь, семьёй обзавестись некогда. Но раньше, конечно, всё было, развелись сто лет назад. Расскажите лучше вы о себе, ваша история наверняка гораздо романтичнее.

– У меня всё очень грустно, всё самое лучшее в прошлой жизни, потеряно, а в этой – никаких перспектив, не дают благословения в монахини, но об этом я вам уже говорила. Зато на следующей неделе я с паломниками еду в Дивеево. Не представляете, как это здорово! Там рядом в Сарове покоятся мощи преподобного старца Серафима и вся местность в округе считается священной. Для любого православного побывать там и прикоснуться к святым мощам – это значит почувствовать Божью благодать. При жизни великого чудотворца совершали паломничество к нему, да и сейчас просто потоки верующих людей стекаются туда.

Она говорила так мягко и хорошо, что мне хотелось прижаться к ней и наслаждаться её речью. Но не мог я тогда решиться даже взять её под руку, вдруг ей такое поведение не понравилось бы, и я мог потерять это милейшее создание. Нет, сегодня ещё не время, никаких рук и никаких намёков, соблюдаю дистанцию и произвожу на неё впечатление порядочного человека.

Александра между тем продолжала рассказывать, как две недели с утра до вечера работала на монастырских полях, пропалывала грядки, поливала и рыхлила землю и нисколько не уставала при этом.

Вы бы тоже смогли принять в этом деле участие, потрудиться на благо монастыря. К нам многие приезжают, иногда целыми автобусами.

– Ну спасибо, Александра, – с иронией ответил я на это предложение. – Нет чтоб пригласить меня с собой в Дивеево и ощутить там Божью благодать, вы мне предлагаете пластаться с тяпкой на монастырском огороде.

– Дело в том, что у нас коллектив из монахинь и послушниц, – рассмеялась она. – Для того, чтобы поехать в Дивеево, нужно благословение владыки нашей епархии, а для того, чтобы поработать в нашем монастыре, достаточно благословения любого священника. Такие у нас правила, так что вы на меня не обижайтесь.

– А я и не обиделся, я уже привык – на мне все воду возят, а на самом деле, признаюсь читателю, на меня где сядешь, там и слезешь.

– Да, кстати, где находится Ваш монастырь? Что-то я не слышал о нём ничего.

– Это здесь, не очень далеко, под Кольванью. Его построил недавно с божьей помощью протоиерей Николай. Это прекрасный человек, он всё своё здоровье отдал этому строительству. Представляете, он нам рассказывал, как ездил в Израиль по святым местам, касался предметов из библейских преданий, ходил по дорогам, по которым ходил Господь. Вот действительно чему можно позавидовать!

Смотрю на неё и думаю: «Живут же люди рядом с нами – счастливы тем, что имеют, не хотят они ни летать, ни быть знаменитыми, не нужны им ни Кипр, ни Багамы, готовы ехать в Тьмутаракань, стать затворником, перейти на хлеб и воду и быть достойным молиться за себя и других.

Вот Александра, жертвует заветным человеческим счастьем быть любимой, иметь семью. Вроде бы что ещё женщине нужно? Такая, как Александра, могла бы подчинить себе олигарха и прожить свою жизнь как богиня. Мне, наверное, не дано разгадать этот феномен человеческого бытия».

– Коля, скажите, а вам приходилось бывать в каких-нибудь интересных местах, где так здорово, что хотелось бы остаться навсегда, и где удивляешься буквально всему?

Она назвала меня Колей, и таким милым показалось мне моё имя! От этого напряжение и скованность исчезли, и почудилось, что мы с ней знакомы много лет.

Я стал рассказывать ей о Камчатке, о действующих и потухших вулканах, о горячих источниках, где бывал не раз, о рыбе, крабах и осьминогах, о высокой океанской волне, которая с шумом выносит на берег флору, фауну и всякий мусор подводного мира. Увлёкшись своей болтовнёй, – незаметно для себя, и для неё, наверное, тоже, – я взял её под руку и обнаружил это только тогда, когда мы подошли к магазину. Купив пару волосяных малярных кистей, которые, по утверждению продавца, были изготовлены из натурального конского хвоста, мы вновь оказались на улице.

Не отклоняясь от намеченного маршрута, не торопясь, пошли через центральный парк. Поинтересовавшись, как священнослужители относятся к мороженому, и получив удовлетворительный ответ, я провел её в маленькое уличное кафе. Мы устроились за столиком под зонтиком, и вот здесь, за креманкой мороженого, она поведала мне свою трагическую и вместе с тем банальную историю.

Жила она в Ставропольском крае, в небольшом посёлке недалеко от Пятигорска. С мужем она не была обвенчана, прожила так три года, окружённая вниманием и заботой, и уже казалось, ещё больше счастья пришло в дом: Александра родила дочь, как две капли похожую на мать. Му ж обеих носил на руках. Прошло ещё семь лет, в один злополучный осенний день их москвич на мокром асфальте занесло в кювет; после первого переворота Александра выпала из автомобиля через раз-битое окно, не получив при этом ни одной царапины, а автомобиль с дочерью и мужем продолжал падать с горы, переворачиваясь... Их мёртвые тела ещё несколько часов не могли извлечь из покорёженной машины. Думала, что от горя сойдёт с ума, не находила себе места и только в церкви обрела покой и утешение. Вот так и пришло желание уйти навсегда из мирской жизни и посвятить себя богослужению.

Когда мы возвращались назад в церковь, после её болезненных воспоминаний, шутить я уже не мог, и настроить её на весёлую волну у меня не получилось бы. Уже на перекрёстке, возле которого обретается храм, Александра предложила мне попрощаться.

– Знаете что, Саша, – предложил я, – давайте это место, где мы расстаёмся, будет нашим, и завтра встретимся здесь, назовите только время. Кисти мы с вами взяли, теперь пойдём за краской, и ещё я знаю хороший магазин «Ткани», мы вашему батюшке отрез на рясу купим, и он вам за это любое благословение подпишет.

Александра рассмеялась.

– Коля, с вами так хорошо, вы устроили мне дивный праздник, но встречаться с вами – это настоящие искушение. Если Господь не против наших встреч, увидимся после паломничества в Дивеево.

Я взял её за руку и спросил:

– Шурочка, а можно написать Вам туда, в Дивеево?

Её красивые глаза вновь округлились:

– Шурочкой меня называл только мой дед. Пусть будет так, звучит приятно. Конечно, можете написать, вот только адреса не знаю. Давайте поступим так: я обязательно узнаю адрес и оставлю его в свечной лавке, что во дворе, подпишу на листочке сверху «для Николая».

– Знаете, Шура, я жалею сейчас только об одном, что сегодня не Пасха.

– Почему? – удивилась она.

– Да потому, что на Пасху при встрече целуются три раза.

Она снова рассмеялась:

– Ну что ж, тогда подождём до пасхального воскресения.

– Кто бы только знал, как мне хотелось поцеловать её, хотя бы в щёчку. Но попрощаться пришлось простым рукопожатием.

Я мчался домой пританцовывая, не чувствуя земли под ногами, и счастливее меня вокруг никого не было. Всё, отныне никаких контактов с нечистой силой.

На следующее утро я вновь решил повидаться с Шурочкой. В общем, это желание не покидало меня весь вечер и всю бессонную ночь, но, проанализировав этот безрассудный поступок, с большим трудом сдержал себя. Нельзя быть таким навязчивым, ей это может надоесть или даже навредить и вызвать раздражение; всё-таки она на работе, да ещё на какой работе! У них наверняка моральный облик служащего на первом месте. Правильнее будет написать письмо, и, раскрыв тетрадь, я погладил страницу, как погладил бы Шурочку, будь она сейчас рядом.

Письмо начал с обычного приветствия: «Здравствуйте, милая Александра» – и, немного подумав, перечеркнул этот штамп, который здесь не уместен. Ещё не хватало окончить письмо словами: «Жду ответа, как соловей лета». Перевернув страницу, начал сразу изливать ей свои чувства:

«Милая Александра, вот уже который день я каждую минуту мысленно с вами. Вы необыкновенная женщина, для меня нет никого на свете прекраснее вас. Я благодарен судьбе за то, что завела меня в храм, где были вы, мне страшно подумать, что я мог не встретить вас там. Теперь я навсегда потерял покой, но ничуть не жалею об этом. Готов согласиться на любые условия, чтобы только быть с вами рядом, буду молить Бога об этом. Сам я грешник, но думаю – не совсем пропащий человек. После встречи с Вами я понял, что только вы можете изменить мою жизнь и направить на истинный путь. Не знаю, сколько будет продолжаться ваше паломничество, несколько дней или недель, – для меня это станет вечностью. Теперь свою жизнь я представить без вас не могу. Постоянно, круглые сутки я думаю о вас: за столом – я мысленно с вами обедаю, иду по улице – держу вас под руку, если на рынке – скупаю для вас все цветы. Простите за бестактность, с вами ложусь спать, но как ни стараюсь, никак не могу увидеть вас во сне, в последнее время мне снятся одни кошмары, а с утра – мысленно подаю вам завтрак в постель. Я выучил наизусть несколько молитв и теперь молюсь утром и на ночь. И хотя вряд ли мне удастся замолить все грехи, но приложу все силы вымолить вас у Бога. Ничего подобного в моей жизни ещё не случилось, насколько это прекрасно – настолько и тяжело, потому что нет взаимных чувств. В общем-то, я этого заслуживаю. Мы с вами две противоположности, как белое и чёрное, как плюс и минус. Есть в физике такой закон: разные полярности притягиваются друг к другу. Вы, Александра, живёте по законам Божиим, и я так же хочу, надеюсь, вы поможете мне в этом. В вашей власти сделать счастливой мою жизнь, никчёмную и опустошённую. Я обещаю вам стать другим и с каждым днём буду меняться в лучшую сторону. С вами буду всегда нежен и внимателен, никогда не буду будить вас по утрам и всё приготовление пищи возьму в свои руки, думаю, вы оцените мои кулинарные способности; никогда не позволю себе повысить голос на вас и постараюсь обеспечить вам спокойную, беззаботную жизнь, выполню любое ваше желание. Не мучьте меня, соглашайтесь. Я сойду с ума, если мы не будем вместе. Вы пережили в своей жизни самое страшное – потеряли своих самых близких. Мы вместе начнём всё с чистого листа, будьте уверены, у нас всё получится. Вы достойны быть счастливой, и я всё для этого сделаю, у меня на это хватит способностей.

С нетерпением жду вашего возвращения. Жму и целую вашу руку. Николай».

Глава 11

Когда бы я ни приходил к Мишке в гости, он всегда угощал меня, если не медицинским спиртом, так коньяком; неизменным атрибутом на столе были и дорогие конфеты в коробках. Коньяк и конфеты – это от благодарных пациентов. Уж не знаю, каким был Мишка хирургом, но жена его Наташка была прекрасным врачом-дерматологом, это я знал точно, потому как не раз отправлял к ней своих «простудившихся» на любовной ниве приятелей, и те всегда оставались довольны результатами лечения. К Мишке с Наташкой я любил ходить не только ради дорогого угощения, с ними всегда было интересно общаться. Ко мне у них всегда накапливалось много вопросов: Мишка любил фокусы и всё время просил показать что-нибудь и научить его; Наташка фокусы не очень любила, ей нравилось слушать мои гастрольные истории. Я у них всегда был желанным гостем. Однажды Наталья сказала, что завидует мне:

– По стране ездишь, много видел. Взял бы меня ассистенткой, надоело мне тут гонорею лечить.

– Ты же знаешь, Наташа, моя ассистентка должна обладать экстрасенсорными способностями и знать что-то о мистических учениях, может быть, даже предвидеть или предсказывать.

Мишка, слушая этот разговор, вклинился в наш диалог:

– Давай, Наталья, проверим: если сейчас правильно истолкуешь мой сон, который я сегодня видел, значит, годишься ты в ассистентки, и тогда езжай с Николаем на все четыре стороны. А снилось мне, будто иду я домой вечером, у подъезда стоит чемодан, а вокруг никого. Ну, думаю, подфартило мне, хватаю его – и в подъезд. А на лестничной площадке второго этажа останавливает меня милиционер: «Что несёшь?» – спрашивает. «Да вот, вещички». – «Открывай». Раскрываю чемодан, а он доверху деньгами набит. Милиционер предлагает: «Бери, сколько унесёшь, остальное моё. Хватаю я пачки денег и по карманам распихиваю, думаю – мало, и начинаю деньги в штаны толкать. Набил штаны деньгами до упора, уже не входят. Просыпаюсь весь в поту и вижу: лежу на кровати и всё одеяло к себе в трусы запахал.

Мы с Натальей слушали его, впитывали каждое слово, анализируя сон. Как только Мишка завершил рассказ, на какое-то мгновение воцарилась тишина, а затем, не сговариваясь, с истерическим хохотом мы оба упали на диван. Ну и подшутил над нами тогда Мишка.

Ну вот к кому ещё, как не к Мишке, обратиться мне со своим горбом? Предварительно созвонившись, я поехал к нему домой. Осматривали они мою спину вдвоём и тут же меня успокоили: «Страшного ничего нет, обыкновенный жировик, не поднимай панику. Уберу в два счета, делов тут на пять минут, даже больничный лист не понадобится. Через два дня у меня дежурство в травмпункте, подъедешь ко мне вечером попозже, шишкарь мы твой аннулируем. Сколько я вскрыл их на своём веку: и на лбу, и на лице, и на спине, на жо... – пожалуй, не меньше, чем ты дал концертов».

Через два дня, под вечер, я поехал в травмпункт. Мишка встретил меня со словами:

– А я тут с утра скальпель на тебя точу, но ты не пугайся, зарежу тебя не больно. Завещание составил?

– Миш, последняя просьба к тебе: содержимое горба не выбрасывай, дай рассмотреть.

– Старик, тара есть? Ну ладно, упакую в полиэтиленовый мешочек, унесёшь домой – картошку на нём жарить будешь, – цинично пошутил Мишка. – Раздевайся – и на стол, протру тебя спиртиком. Если есть желание, можно принять внутрь.

Такого желания у меня не было, и я отказался.

– Ну что ж, другого наркоза предложить не могу. Залью тебя хлорэтильчиком.

Лежал я лицом вниз. Ассистировала Мишке медсестра. Боли я не чувствовал совсем, спина между лопатками словно одеревенела. Услышал только треск – это расходилась кожа под скальпелем. Хирург продолжал острить, и от этого было спокойно на душе.

– Ну, вот и распоролы мы тебя, – и вдруг замолчал.
Ойкнула медсестра, Мишка на неё цыкнул и приказал:
– Поднос, быстрее.

Медсестра стояла с противоположной стороны от хирурга и помогала ему что-то складывать на поднос.

– Они разбегутся!
– Залей всё спиртом и подожги, – сказал Мишка.
Я понял, что происходит что-то неординарное, поинтересовался:
– Что там?
– Всё нормально, старик, вот немножко подчищу – и порядок.
– А что жечь собрались? Ты мне обещал показать.
– Поверь мне, это лучше не видеть.
– Миша, после этого ты мне больше не друг.
– Подожди сжигать, – придержал он медсестру. – Покажи ему.

Она показала поднос: на нём шевелился огромный серый клубок вшей, растекавшийся, словно лужа, по подносу. Мишка заштопал меня быстро и безболезненно, так же, как и разрезал. Он был шокирован не меньше, чем я.

– Давай, старик, спиртику махнём, чтоб заросло на тебе всё как на собаке.
– Пить я совсем не хотел, но обижать эскулапа не хотелось, и я согласился принять парочку мензурок, разумеется, разведённого.

– Мишка, скажи, как часто приходилось вскрывать такие нарывы?
– Старик, уверяю тебя, впервые в истории медицины такой случай. Бывало, конечно, подобное, мы это в институте проходили: кровососущие откладывали свои личинки под кожу, но чтобы вши, тем более в таком количестве! Прекрасная тема для диссертации.

– Только мы собрались выпить ещё по одной, как открылась дверь и в комнату на носилках внесли окровавленную женщину.

– Дорожка, – сказала медсестра, – давление шестьдесят на тридцать.
– Извиняй, старик, у меня работа. Ложись на кушетку, отдохай до утра.
– Какой тут отдых, да и не поздно ещё совсем, на автобусе уеду. С Мишкой вот только попрощаюсь. Я заглянул в операционную: картина неприглядная – хирург ножницами разрезал одежду на бесчувственной женщине. «Ладно, отвлекать не буду, – решил я, – созвонимся».

Меня обуревали смешанные чувства: не знал, радоваться мне или насторожиться, какая расплата ждёт меня за это. Вряд ли есть человек, который мог бы сказать, как дальше вести себя в данной ситуации. Михаил уж точно не подсказчик. Какой-то страх и подавленное настроение. Может, это ещё повлиял на меня вид той женщины, попавшей в дорожное происшествие? Вот так живёшь и не знаешь, какая опасность может поджидать тебя в следующую минуту. Только я подумал об этом, выходя на парадное крыльцо травмпункта и сделав глубокий вдох, как тут же получил могучий пинок под зад.словно чурбан, летел я вниз, перебирая ногами по ступеням и растопырив руки вперёд и в стороны, шмякнулся лицом вниз на асфальт, но, к счастью, разбил только колени и ободрал ладони. Оглянулся – за моей спиной никого.

Прихрамывая дошёл до остановки и доехал до дома без приключений, но, подходя к своему подъезду, услышал задорный смех: из-за угла дома прямо на меня ехал стог сена, на нём сидели два белобрых парня, один держал в руках деревянные грабли и пел частушку «Эх грабли мои, грабли новые, сторублёвые», а другой смеялся, показывая белые, как снег, зубы. От страха и недоумения я прижался к стене дома, стог проехал мимо меня и скрылся за аптекой.

Ну и дела, если я и попаду сегодня домой, то, как пить дать, сумасшедшим или инвалидом. Войдя в комнату, я уже не очень удивился, увидев Черчилля, сидящего на столе. В гла-

зах его было столько гнева, что мне показалось: он сейчас закатит истерику и меня испепелит взглядом. Но голос его был на удивление сдержан:

– Что ж ты наделал? Лучше бы ты чеснока нажрался! Выходит, что тебя совсем без призора оставлять нельзя. Объясни сейчас же своё неразумное поведение.

Я присел на кровать и начал оправдываться:

Сил больше не было таскать этот горб на спине, да и не только это, жениться я собрался, влюбился, не могу без неё. Без того у меня с ней не всё ладно получается, а тут ещё ты со своими заморочками. Ты поверь, я чуть с ума не сошёл, когда в зеркале себя не увидел, пойми, слабоват я для этих дел, давай найду себе достойную замену, у меня такие знакомые экстрасенсы есть – они просто братья тебе по духу.

Чер чиль почесал подбородок.

– Кто ж такая твоя избранница, хотел бы я знать. Ни за что не поверю, что ты ради бабы отказался от того, что тебе предложено. Президент, по сравнению с тобой, пацаном выглядеть будет. Знаю, пишут в книжках про любовь, и, выходит, ты их начитался. Ну был бы ты в возрасте Ромео, куда ещё ни шло. Но я развею этот миф. Откуда она взялась? И кто такая?

– Её нет сейчас в городе, думаю, через неделю приедет. Отпусти ты меня, Аббат, ты ведь сам говорил, что добра мне желаешь!

Да, желаю, и не только тебе, но и невесте твоей. Хочешь расстаться с нашим братством – катись куда хочешь, но с условием одним: подругу свою мне оставишь. Это тебе мой ответ.

– Что ты, Аббат. Да не пойдёт она, не такой человек. Да и как я без неё?

– Пойдёт, не пойдёт – не твоя забота. Приведёшь её к себе, всё снимешь с неё до нитки, сделаешь как положено: огонь, зеркало, вода и книга, дашь прочесть ей последнюю страницу.

Через неделю её не будет – читать страницу будешь сам. И горе тебе, если ослушаешься меня. А сейчас принеси с кухни водички холодненькой, у меня от тебя всё в глотке пересохло.

Вернувшись с кухни со стаканом воды, Чер чилля я комнате не застал: исчез бесследно. Не раздеваясь, я завалился на кровать и, скорчившись, заснул. Правильно говорят: утро вечера мудренее.

Наутро, расхаживая по комнате взад и вперед, я подумал: «А что если... Да простит меня Всевышний, другого выхода нет». Я погладил себя по голове и произнёс почти пушкинскую фразу: «Ай да Колька, ай да сукин сын» и помчался на почту дать телеграмму с текстом следующего содержания: «Ты мне срочно нужна, без тебя не могу, приезжай скорей. Люблю, скупаю. Николай». Ну, всё дело сделано, лишь бы приехала, и оставит меня наконец-то Черчилль в покое.

Вновь я попробовал представить себе Шурочку, чем она сейчас занята: наверное, проводит время в молении, у неё, скорее всего, маленькая келья с иконами, она сидит у окна, любит пейзажем и тяжело вздыхает, когда вспоминает меня. Может, она носит воду в вёдрах, и вёдра эти наверняка огромные, и у неё уже болят руки. Нет-нет, никогда в жизни не позволю поднимать ей что-нибудь тяжёлое. Но, судя по времени суток, там сейчас раннее утро, и она наверняка молится, и может быть, даже за нас. Бедная Шурочка, с кем ты связалась? Если бы наше знакомство состоялось месяца на два раньше, всё могло быть по-другому. Как же ты мне нужна!

Телеграмму в свёрнутом виде я получил через четыре дня, сразу разворачивать её не стал, а потихоньку, как картёжник, желающий пощекотать свои нервы, приподнял уголок и заглянул туда краешком глаза; ничего не увидев, медленно стал разворачивать её и, положив на стол текстом вниз, вновь за уголок перевернул, прикрыв написанное рукой, затем, раздвигая пальцы, начал читать от конца к началу. «Номер рейса...» – прочёл первое слово: уже радостно. «Встречай» – от восторга я выбил по столу ладонями барабанную дробь и даже что-то попытался сплясать, не вставая со стула. – «Ура! Завтра она будет здесь!»

Теперь всё должно быть как будто по-настоящему, объясняюсь ей в любви, предложу стать женой и ассистенткой. Главное, не переборщить, она всё-таки тонкий психолог, – и тогда её согласие у меня в кармане, а уже на следующий день обменяю её на себя Черчиллю. Потягиваясь от удовольствия, подумал про себя: «Ох и коварный же я мужик!»

И вот я, весь начищенный и надушенный, с букетом гладиолусов жду в аэропорту нужный рейс. В огромной толпе пассажиров, выходящих через проходную, сразу узнаю долгожданную избранницу, свою давнюю знакомую, с которой мы встречались на съезде магов. В строгом костюме, с непокрытой головой, она цепким взглядом выхватила меня среди встречающих, и мы двинулись навстречу друг к другу. Трижды поцеловав её в щёки, подал букет.

– Ну, наконец-то я тебя дождался!

– Я тоже рада, но, признаться, от тебя таких ярких слов не ожидала. Мне даже казалось, что мы больше с тобой никогда не увидимся.

Когда мы сели в такси, я начал с комплиментов:

– Тебе так идёт этот костюм, он так подчёркивает твой имидж! – И вновь чмокнул её в щёку. – Зоя, можно я с сегодняшнего дня буду называть тебя просто Зюзю?

На это она мне ничего не ответила, но спросила:

– Коля, что с тобой? Откуда такая страсть?

– Зоенька, ответь сама на этот вопрос, ты ведь наверняка меня присушила. Вспоминал тебя каждый день. Подумал, что лучшей кандидатуры мне не сыскать, мы с тобой на сцене и в жизни будем как одно целое. Тем более вами зрителей без каких-либо приспособлений, и летать будем вместе. Освоишь несколько йогических упражнений – и ты в воздухе. Объедем с тобой всю планету.

У Зойки засветились глаза:

– Ты умеешь летать? И научишь меня?

Конечно, но взамен ты научишь меня читать мысли.

– Запросто, – согласилась Зойка. – Это не так уж и сложно, как тебе кажется. На самом деле я мысли не читаю, а навязываю их. Вот тебе пример: сейчас наш шофёр остановит такси на зелёный свет светофора.

И в самом деле, машина остановилась на зелёный свет. Позади засвистели тормоза другого автомобиля, он чуть не врезался в наше такси, но водитель успел вывернуть руль. Поравнявшись с нами, он покрутил пальцем у виска, показывая нашему шофёру, что он ненормальный. А тот с удивлением посмотрел на светофор и нажал на газ.

– Зоенька, ты гений в магии, но лучше не надо с водителем экспериментов, а то не доедем. И конечно, ты не Зюю, ты будешь Зет.

Она взглядом дала понять, что согласна.

– Дома расскажешь методику? И летать мы начнём с сегодняшнего вечера. – Зойка прижалась ко мне, светясь от счастья.

Выйдя из машины, мы пошли с ней к подъезду, и тут перед нами распахнулась дверь: прямо на нас выскочила огромная соседская овчарка. Пёс, конечно, обученный, он никогда никого не трогал, но и никого не боялся. А тут он присел, заскулил и попятился назад.

– Меня не только собаки, акулы и те не трогают, – гордо произнесла Зойка. – Что, не веришь? Я же в Алжире была.

В квартире она рассказала о своей поездке:

– Там, в море, недалеко от берега, есть маленький островок. Он соединён с сушей мостом, который хорошо охраняется – на острове тюрьма. Ни одного побега не было сделано оттуда, вода вокруг острова кишит акулами, их, очевидно, специально прикармливают на этом месте, и никто ещё не рискнул прыгнуть в воду. А я, к ужасу охранников, проплыла вокруг острова и вернулась на берег невредимой. Я бы, конечно, на это никогда не решилась, если бы знала, что там акулы. Мы с тобой когда-нибудь съездим туда, и я тебе всё там покажу. Знаешь, на таком заплыве можно неплохо заработать. Вообще-то, если мы будем летать, нам заплатят ещё больше.

Я стал показывать ей свой реквизит и рассказывать сценарий новой программы, раскрыл секрет поиска предметов с повязкой на глазах. Мы попивали коньяк, и от этого общение наше становилось всё оживлённее. Пересев со стульев на кровать, я помог ей расстегнуть пуговку на блузке, и моя рука скользнула внутрь, на мягкую и теплую грудь. Зойка не сопротивлялась, я начал стягивать с неё одежду, и она молча поддавалась мне; ну и конечно, произошло то, что должно было произойти в такой ситуации. Потом мы лежали в постели и говорили только о работе. Я поглядывал на часы, близилась полночь, и начал подготавливать её.

– А что, Зой, хотелось бы тебе взлететь прямо сейчас?

– Да я только что летала, как бы не залететь, – заулыбалась Зойка.

– Нет, я серьёзно, по-настоящему, можно без подготовки; ты пока лежи, а я соберу всё необходимое.

Поднявшись с постели, я убрал со стола недопитый коньяк и закуску. Поставил всё, что требовалось, раскрыл ТАББА НАДА на последней странице, зажёл свечу.

– Теперь, не одеваясь, садись к столу и начинай читать вслух, не торопясь. Чтобы ни происходило за твоей спиной, не оглядывайся. Да не пугайся, я буду рядом.

Зойка села на стул, прикрывшись простынёй, посмотрела на меня с недоверием.

– Ну что, можно начинать?

– Давай, Зюю, читай, – кивнул я ей.

Она стала читать вполголоса, а я рядом, на соседнем стуле, молча смотрел в текст, словно преподаватель, проверяя, как выполняется задание. Как только было прочитано последнее слово, свеча потухла. Я пододвинул к ней стакан с водой.

– Выпей всё до капельки.

Зоя, не раздумывая, осушила стакан, и я пошёл включать свет. Щёлкнув выключателем, зажмурился от яркого света, а проморгавшись, я открыл глаза... От увиденного волосы даже ногам встали дыбом. Такого исхода я никак не ожидал: на полу стояла свинья, наполовину прикрытая простынёй, и переступала с ноги на ногу, затем хрюкнула и пошла к выходу. Я раскрыл перед ней входную дверь и выпустил её из подъезда. Она, пробежав вдоль дома, свернула за угол, наверное, побежала в сторону леса.

Вернувшись в комнату, я стал собирать Зоины вещи, упаковал всю одежду в пакет и, как только стал убирать со стола, обнаружил, что ТАББА НАДА исчезла. От этого стало как-то спокойнее.

Вот уже несколько дней я каждую ночь прислушивался к каждому звуку и шороху за окнами и дверями. Боялся, как бы чего там не захрюкало и Зоя не предстала бы перед моим взором. Мне было страшно и жалко её. Я всё время пытался найти себе оправдание и успокаивал себя тем, что она сама мечтала о подобном. Вот и получила то, к чему стремилась. Надеюсь, что за это она на меня не в обиде. Была Зюзю, стала Хрю-хрю.

И всё-таки ловко я провёл этого бестию Аббата!

Заснуть мне удавалось только под утро. Проснувшись к обеду, бежал к почтовому ящику, находил в нём газеты и журналы, письма от друзей и коллег, а вот от Шурочки никаких вестей не было.

Два раза я ездил к Мишке, он снял швы на моей спине, а в последнюю встречу мы напились с ним водки, и он оставил ночевать меня в своей квартире. Это, пожалуй, была первая ночь, когда я нормально отдохнул и выспался по-настоящему. Эту методику я решил взять на вооружение. Каждый вечер стал выпивать почти бутылку водки и спал как убитый: если бы даже хрюкали мне в ухо, меня не разбудили бы.

Сам я осознавал, что увлекаться этим не стоит, – это может войти в привычку, но другого эффективного средства у меня не было. Самым негативным последствием такого успокоительного было моё состояние утром: распухшее лицо и тяжёлая голова. Но, пропустив стопарь, я снова приходил в форму, и жизнь могла бы показаться прекрасной, если бы хоть малюсенькое письмоце или открытка от Шурочки.

Открытка пришла, но только с работы: филармония беспокоилась, куда я пропал, и напоминала, что ждут меня гастролы по Северному Кавказу. Этого мне только не хватало! Уехать сейчас на пару месяцев и думать каждый день, что письмо от Шурочки уже пришло или она сама приехала в моё отсутствие. Нет, всё должно быть не так, дождусь ответа или Шуру в любом случае, каким бы боком мне это ни вышло. Было два спасительных варианта на этот случай: взять больничный лист, Мишка мне мог помочь, или отпроситься в отпуск, сославшись на усталость и недомогание. Второй вариант показался мне более приемлемым, и я поехал в филармонию.

Увидев меня, директор сразу понял, с чем я пришёл, и, не дав мне раскрыть рта, замахал руками:

Даже не заикайся, на Кавказе тебя ждут великие дела, лермонтовские места, прекрасное вино и красивые женщины. Привезёшь оттуда мешок денег, и всем нам от этого будет только хорошо. Билет на поезд тебе закажут в концертном отделе, там же заберёшь свои афиши, в общем, давай, чтобы завтра твоей ноги в Новосибирске не было. – И, взяв меня под руку, повёл к выходу из кабинета, продолжая говорить,

– Обрати внимание, я даже не спрашиваю тебя, где ты пропал почти месяц и что ты натворил. Интересовались тут тобой серьёзные дяденьки.

В дверях я упёрся обеими руками в косяк.

– Дай мне ещё две недели.

Вот вернёшься с гастролей, сделаю тебе путёвочку в Болгарию, а сейчас работать, работать, работать.

Я понял: умолять его бесполезно. Пройдя по коридору мимо дверей концертного отдела, не заглядывая туда, прямоком направился к выходу, ругая сам себя за свою поспешность и наивность.

Словно по ветру понесло меня в гастроном, где ждала меня моя спасительница, уводящая от тоски, хрупкая и обворожительная, та, которую любили мой дед и отец и недолюбливали бабуля и мать, готовая прийти в любую минуту на помощь и залить душу теплом и покоем, но имеющая способность быстро заканчиваться, гениальная выдумка Дмитрия Менделеева – водка. У прилавка поразмыслив, сколько брать – одну или две, а может быть, на все, чтобы потом в магазин часто не ходить и не засвечиваться в винном отделе, остановился на трёх. Счёл это количество оптимальным вариантом для того, чтобы привести себя в форму. Стакана под рукой не было, и я пошёл в тошниловку, как называли пьянчужки и прочие антисоциальные элементы Центрального района диетическую столовую на улице Ленина. Взяв на раздаче винегрет, какой-то супчик и стакан морса, присел за столиком у окна. Решив, что земля в цветочном горшке на окне пересохла, посочувствовал цветочку и совершил благое дело – вылил туда весь морс, а пустой стакан наполнил другой, живительной влагой из своей бутылки. Сгруппировавшись, словно для прыжка с места в высоту, выхлебал стакан до дна; пустой стакан не стал ставить на стол, а опустил его в портфель с недопитой бутылкой. Жить сразу стало легче, всё окружающее приобрело розовые тона.

Решив скоротать как-то время, пошёл в кино, мне было без разницы, какой фильм на экране, главное – был билет на последний ряд и пирожки в буфете. К концу сеанса уже пустая бутылочка, стукая и позванивая, покатила по полу от последнего ряда к первому.

Ввиду частичной амнезии не могу сказать, как оказался дома. Войдя в подъезд, я упал на колени перед почтовым ящиком: если сейчас здесь будет письмо от Шурочки, весь год буду молиться на него. Но, увы, ящику стать чудотворной иконой не довелось: кроме газеты в нём ничего не оказалось.

Уже на кухне, готовя себе закуску, решил: вот допью, что у меня осталось, и всё, с пьянкой заканчиваю. И чтобы побыстрее с этим покончить, налил себе полный фужер.

Пришёл в себя ночью, лёжа, одетый, но босиком на нерасправленной постели. Хотелось пить, но оторвать голову от подушки не было сил. Глядя на приоткрытую дверь своей комнаты, я думал о Шурочке.

Дверь, чуть поскрипывая, открылась полностью, и в дверном проёме появился Шурочкин силуэт.

Она вошла в комнату, сняла с головы платок; пышные волнистые волосы легли на её плечи. Расстегнув блузку и пуговицу на юбке, она села на край кровати, погладила мою руку. Я лежал оторопевший – она приехала, пока я спал, и теперь она со мной. С трудом я произнёс: – Шуронька, наконец-то!

Притянув её к себе, стал покрывать поцелуями, обнял за талию и невольно мои руки оказались под блузкой. Она не сопротивлялась и поддавалась мне охотно, подставляя всю себя. Я коленом раздвинул ей ноги, и моя стопа скользнула вниз по икрам: ноги её были, как мне показалось, в шерстяных чулках и немного колючие. Выпрямляя свою ногу, коснулся пальцами ее стопы... И тут произошло непонятное: вместо нормальных стоп у неё были копыта!!!

Меня словно ошпарили кипятком. От ужаса я закричал, оттолкнул её от себя, она упала с кровати на пол, фыркнула, как-то по-лошадиному, и оказалась у дверей. Вскочив на кровати, я прижался к стене, стал креститься и кричать: «Спаси и сохрани, Господи!», и тут словно пелена спала с моих глаз.

У двери была Адан с лошадиной мордой. Она оскалила свои огромные белые зубы и, словно каратист, выкинула вперёд ногу, пытаясь ударить меня копытом, но промахнулась

и тут же сгнула в тёмном коридоре. От этого ужаса я забился в угол между кроватью и шкафом и, продолжая креститься, читал «Отче наш».

Только с рассветом я вышел из своего убежища. Что это было – галлюцинация? Белая горячка? Нет, не глюки, это Аббат отправил ко мне Адан в образе Александры. Значит, мне не удалось провести этого чёрта. Выходит, моя афера с Зоей – напрасные хлопоты, он не оставит меня в покое.

Кто подскажет, как избавиться от него? В первую очередь, пора завязывать с пьянкой. Вот допью, что осталось, и всё, больше ни капельки. Трясущейся рукой наполнил фужер по самый ободок и, глядя в него как в аквариум, стал настраивать себя на эту акцию. На какое-то мгновение за стеклом фужера увидел лошадиную морду Адан и выплеснул водку в раковину, потом открыл кран с горячей и холодной водой, проделал то же самое с последней оставшейся бутылкой – смыл её содержание в канализацию.

Я сидел в кресле и, глядя в окно, рассуждал, как быть, а по подоконнику ходила голубка. Зачем она сюда прилетела – не знаю. Наверное, через стекло ей меня не было видно, она суетливо ходила по подоконнику и несколько раз постучала крыльями в стекло, затем нахохлилась и села, втянув в себя головку. «Райская ты птичка, – подумал я, – принесла бы хоть ты весточку от Шуры или хотя бы грамм сто водочки, опохмелиться». Но голубка на мои мысли никак не реагировала.

Что же делать? Уехать сейчас на гастроли? Пожалуй, это выход, может быть, там эти черти искать меня не станут. А сейчас заеду в церковь и в свечной лавке оставлю записку для Александры, отдам её той женщине, у которой брал адрес монастыря. Сообщу, что я в командировке и пусть напишет мне в Кисловодск – до востребования.

Вот с такой записочкой поехал в церковь. У свечной лавки толкалось несколько человек. Переждав, когда все разойдутся, я поздоровался с уже знакомой мне продавщицей, протянув ей конверт с запиской.

Как только Александра приедет, передайте ей, пожалуйста.

Она, оцепенев, посмотрела на меня.

– А вы не знаете, что её больше нет? – спросила она. – Девять дней вчера было, панихиду по ней служили.

Сказав это, она перекрестилась. От этих слов ноги и руки мои задрожали, а перед глазами всё зашаталось.

– Где и как? – с трудом я выдавил из себя.

Продавец испуганно посмотрела на меня:

– Ой, что с вами? Вы такой бледный! Вам плохо? Выпейте воды, вот здесь в бутылочке – святая.

Я сделал несколько глотков, но облегчения никакого не почувствовал.

– Давайте, рассказывайте.

Это в Дивеево случилось, Александра работала на монастырском поле. Когда время пришло идти на обед, она отказалась, сказала что сыта и отдохнёт здесь, на полянке под деревом. Все пошли в трапезную, а она села под дерево и стала читать письмо. Многие сёстры видели, как она это письмо перечитывала каждый день по несколько раз. А когда все вернулись, застали её убитой, на одежде остались отпечатки лошадиных копыт. Как это произошло – никто не видел, и лошадь куда пропала – никто не знает. У местных жителей спрашивали, говорят, что нет в округе таких строптивых лошадей и случаев подобных никто не припомнит, чтобы когда-то лошадь лягнула. Но что здесь ещё странно – исьма при ней не нашли.

Рассказав мне это, вновь перекрестилась.

– Нет больше нашей Сашеньки, нет больше нашей красавицы.

Я стоял как оглушённый, затем повернулся и пошёл к храму. Один я знал, что это за лошадь. Слезы душили меня. Упав перед крыльцом храма на колени и подняв руки к кресту на куполе церкви, навзрыд прокричал:

– Господи, нет мне прощенья!

И не поднимаясь с колен, пополз в храм вверх по ступеням.

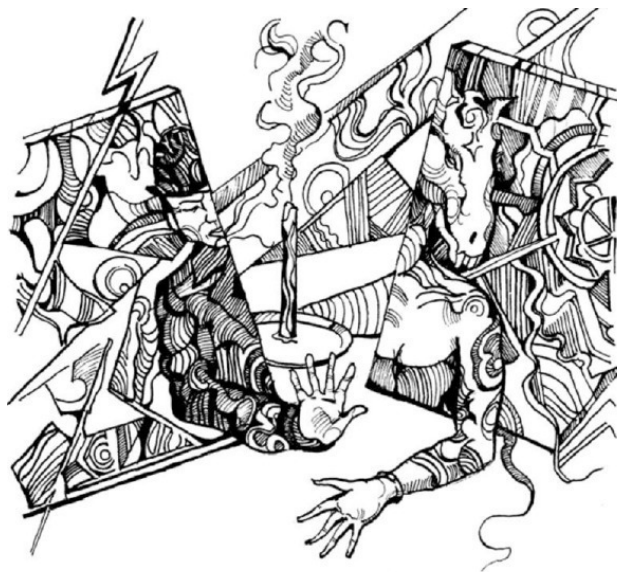

Я возвращался домой с затуманенным сознанием, и жизнь казалась мне никчемной: сам попал в непонятное дерьмо и ещё угробил милейшее создание. Знать бы, что встречу её на том свете, не задумываясь расстался бы с собственной жизнью. Священник велел мне приготовиться к исповеди и святому причастию; я только кивал головой вместо ответа, соглашаясь с его наставлениями, скажи он мне тогда: «Ешь землю ложками», я бы ел. Готов был с разбега удариться о стену дома, только бы изменить то, что сотворил.

Когда я вошел в комнату, ноги чуть было не подкосились, мне показалось, со мной случится припадок: на письменном столе мерцал силуэт книги ТАББА НАДА, словно её голограммное изображение лежало на столе, а самой книги как бы не было. Меня стало ломать: вначале занули суставы и зачесалась спина, потом, словно прокололо тонкими иголочками, и я

стал пустым и лёгким. Какой-то сквознячок подхватил меня и понёс к окну. Отдёрнув шторы, словно разорвав рубаху на себе, я увидел внизу чёртову троицу: в детской песочнице развели маленький костёрчик Адан с лошадиной мордой, Зюзю со свиным рылом, и между ними гадкая мразь Аббат. Он приветливо улыбался, поманил меня рукой, предлагая тем самым составить им компанию...

Книга 2. Пять ночей

Продолжение

У меня было только одно желание, когда я раскрыл створки окна и увидел этих пришельцев, – задушить эту кобылу Адан и размозжить голову Аббату. Словно планер, я опустился на край песочницы, но дальше двинуться не смог.

Аббат, улыбаясь, развёл руками:

– Какая радость, мы снова вместе, нас уже четверо. А скоро, Коля, с твоей помощью нас будет множество. Программа последователей учения ТАББА НАДА не снята с повестки нашего собрания. Я сниму с тебя венец безбрачия и верну тебе твою единственную любимую, ради которой ты был готов отказаться от всех благ и нашей дружбы. Я сохранил её для тебя, в нашем деле она толковый помощник и готова сотрудничать с нами, просто рвётся в работу. У тебя хороший вкус, вы станете прекрасной парой, совет вам да любовь. Забирай свою Зою, поцелуешь её в носик, и она вновь примет свой прежний внешний вид.

Я смотрел на Аббата и слушал его издевательства, ударить его не было сил, и пришлось поддержать разговор:

– Может быть, поменяемся? Тебе Зою, а мне эту лошадь, я бы на ней покатался.

– Коля, зачем тебе Адан? Она однажды уже залазила к тебе в постель, сам от неё отказался.

– Не хочешь эту клячу отдать, оставь себе и Зою, если ей с тобой нравится, из вас прекрасная шведская тройка получится. Только скажи мне, почему именно я тебе нужен? Может, меня черти в карты проиграли?

– Коля, ещё раз говорю, я тебе одного только добра желаю. Тебе нужно усовершенствовать и развить свой редкий дар, направить его по нужное руслу. И в этом тебе поможет ТАББА НАДА и я.

– О каком «даре» ты говоришь? Я самый обыкновенный иллюзионист, любому потренироваться – и он сделает то же, что и я.

– Ах, Коля, Коля! Ты не представляешь, какие возможности в тебе скрыты, их нельзя держать внутри. Зойка – и та тебя сразу вычислила, а я сколько охотился за тобой, чтобы сделать из тебя великого монстра!

– Что, тебе станет от этого легче? – переспросил я его.

– Да не только мне, но и тебе тоже.

Я вспомнил слова Сталина: «Месть – это блюдо, которое едят холодным». Шурочку я им не прошу, рассчитаюсь за неё сполна, отказываться нет смысла. И в знак согласия я кивнул Аббату. Он похлопал меня по плечу и, заглядывая мне в глаза, сказал:

– Ну, сорвался, с кем не бывает. Отдохни пока до полнолуния, развейся, съезди на гастроли, на, держи своё сокровище. – И непонятно откуда в руках его появилась ТАББА НАДА. Он сунул мне её под мышку. – Теперь попрощайся с девочками.

Адан манерно подала мне руку для поцелуя, но я только пожал её, Адан на это не обиделась и приняла это как должное. А Зойка, потихоньку хрюкнув, своим мокрым пятакон мазнула мне щёку, я погладил её по спине.

– Ну, пока, куколки, – и вместе с книгой я улетел в окно.

Набирая высоту, я прокручивал в голове разговор и пытался понять, на какие способности намекал Аббат. Вспомнилось детство... А ведь действительно, уже тогда я начал понимать, что отличаюсь от других детей!

Глава 1. Фрагменты автобиографии: детство

Сколько я себя помню, а помню я себя с тех пор, когда ещё не начал толком ходить и говорить, – в общем, с пелёнок. Даже резьбу на деревянной этажерке, которую сменили на комод, готов сейчас нарисовать.

И тот курьёзный случай, когда, сидя в качалке, я наблюдал за работой печника. Сложив печь, он, набрав в ладонь глину, обмазывал её. Затем мама побелила печь, и она, свежая и беленькая, готова была к эксплуатации. На следующий день меня ненадолго оставили без присмотра, а вернувшись домой, застали в детской качалке, перемазанного собственными фекалиями до самой макушки. Печь тоже была перема-зана тем же дерьмом, я бы и стену поштукатурил, но «глина» моя закончилась.

Потом меня отмывали в оцинкованном корыте горячей водой с мылом, мыло попадало мне в глаза, и я орал как резаный.

Но, пожалуй, из самых ярких воспоминаний был сон, который видел я несчётное количество раз на протяжении нескольких детских лет. Как только начинался этот сон, я уже знал, чем он закончится.

А начинался он с того, что я подходил к краю глубокого оврага и прыгал в него, но почему-то я летел не вниз, ко дну, а наоборот – вверх. Я летел не над крышами домов, не над лесом, а просто как ракета. Вокруг меня были только звёзды, а земля подо мной становилась всё меньше и меньше, пока не превращалась в шар, напоминающий яблоко. Меня несло в какую-то фиолетовую бездну, и я кричал туда: «УМ!», а затем «РАУМ!». И тело моё начинало вибрировать. Рассказывал я этот сон родителям, а они толковали его:

– Растёшь, значит. – И, может быть, были правы.

Какие-то физические изменения происходили со мной на следующее утро: лёгкие и горло были растянутыми и открытыми, словно труба. И эта как бы труба была до самого темечка. Через часик-другой эти ощущения исчезали.

Я любил этот сон, поэтому, уснув, радовался ему, когда он приходил. Но вот толком не помню, с какого времени я мог определить – варёное яйцо или сырое, не прикасаясь к нему. Как это получалось, сам не знаю. И ещё, взяв стручок гороха, мог безошибочно назвать количество содержащихся в нём горошин. Наши соседи разводили в сарае кроликов, а когда появились маленькие крольчата, дядя Андрей разрешал ходить с ним в крольчатник и кормить их цветочками клевера и листиками одуванчика. Крольчат было около десятка, я играл с ними и дал им всем имена, хотя они практически не отличались друг от друга. В общем, это были прозвища девчонок и пацанов с нашей улицы. Крольчонка с белым пятнышком на носу я назвал Томясой в честь соседской девчонки Тамарки, кролика с погнутым ухом – Шкляпом в честь Вовки, местного хулигана: и так далее. Каково же было удивление дяди Андрея: по половым признакам все имена совпали, Томяса и Шамаиха были кроликами, а Шкляп, Бутя и Панечкин – кролами.

Пироги дома пекли с разными начинками: с картошкой, морковкой, капустой и с луком и яйцом. Они были совершенно одинаковой формы и лежали попеременно в одной большой чашке. С луком и яйцом были моими любимыми, я, почти не глядя, запускал руку в чашку и извлекал оттуда именно тот пирог, который был мне нужен.

А когда мы ночью залазили с пацанами в огород к Никифору воровать ранетки и быстро-быстро набивали их в карманы и за пазуху, наутро выяснялось, что червивых ранеток у меня никогда не было, а мои поделники выбрасы вали почти половину. За это на меня злились и говорили, что я, наверное, в детстве г... ел. Везло мне и в картах, и, наверное, я мог бы стать неплохим картёжником, но родители пресекли на корню эту деятельность, пообещав мне отрубить руки по самую майку, если ещё раз узнают, что я играю.

Став учеником повара в ресторане, я просто влюбился в эту профессию. Особенно любил готовить холодные закуски, делать овощные и мясные нарезки. Колбасу нарезал так, что она просвечивалась, сворачивал её в кулёчки, вставлял туда зелень петрушки или укропа, и получался дивный колбасный букетик. Создавать какую-нибудь феерию на блюде мне доставляло огромное удовольствие.

Слова «даже есть такое жалко» служили мне высокой наградой. Готовил я и дома, каждый раз стараясь не повториться, что-нибудь новенькое, что-нибудь эдакое. Наверно, и родителям это тоже нравилось, особенно когда гости говорили: «Какой ваш Колька молодец!»

Были похвалы и такие: «Пожрал у вас – и нога перестала болеть». И такое было частенько. Соседка как-то сказала: «Попила вашего киселя – и газету без очков прочла».

Этому я не придавал особого значения. Через несколько лет, прочитав в «Комсомольской правде» об экстрасенсах, заинтересовался этим и решил сам попробовать.

Обложившись самиздатовской литературой, ушёл с головой в дебри экстрасенсорики. Не стану рассказывать, скольким людям я помог исцелиться, но вот однажды птичку вернул к жизни, это была трясогузка. Кот наш был большой охотник до птиц и грызунов, но имел такую особенность: пойманную добычу приносил в дом. А там её начинал есть, оставляя после себя перья или мышиную печень. Ему, наверно, хотелось показать, что не зря его в доме держат, он тоже на что-то способен. И как-то раз вошёл он в двери, урча и размахивая хвостом, держа в зубах птичку. И только собрался съесть, положив её на пол и прижав лапой, как я успел выхватить её у него. Проводив недовольного котяру за дверь, я занялся трясогузкой: глазки её были наполовину прикрыты, многочисленные ранки от зубов, на мой взгляд, были не очень глубокими; разместив её на газете, лапками кверху, я стал делать над ней пассы правой рукой, а левую отводил и приближал к её тельцу. Какое-то время спустя, уже решив, что старания мои напрасны и сделать тут ничего нельзя, я вместе с газетой отнёс её к котовой миске. Обратил внимание на неё через полчаса: она сидела на газете, без звука открывая и закрывая клювик. Взяв птичку в руки, я напоил её своей слюной прямо изо рта, а ещё через полчаса она стала прыгать и бегать по комнате. Раскрыв створки окна, я дал ей возможность самостоятельно вылететь на улицу.

Глава 2. Пятигорск

На гастролях в Пятигорске работа как-то не клеилась. После триумфа в Сосновке мой концерт, без полёта зрителя и зажигательного канкана, казался мне халтурой и все мои старые номера выглядели несовершенными, хотя и зарабатывал я от зрителей аплодисменты. Курортников в санаториях было не густо, так что пришлось брать маленькие площадки, вроде швейной фабрики или газетного издательства.

Да и с проживанием в гостинице не всё было благополучно: от соседа по номеру житья нет, достал. Каждый вечер напивался и заводил разговоры о политике, приставал с вопросами: как я отношусь к тому или иному члену правительства и каково моё мнение о принятии нового закона о бюджете. Не дожидаясь ответа, начинал говорить, почему я не прав и что во всём виновны Горбачёв и мне подобные, но это ещё семечки. Самое страшное начиналось ночью. Он храпел так, что стёкла в окне дребезжали. В армии у нас бросали сапоги в храпящего, и после недельки такого кирзового массажа храпун спал тихо, как мышка. Эта методика была эффективной, но к моему соседу не подходила по причине отсутствия у меня кирзовых сапог. Несколько раз я просил администратора гостиницы расселить нас, но свободные кровати были только в четырёхместных номерах. А что такое четырёхместный номер, я знал не понаслышке. Настроения работать не было никакого. Совершенно другая мысль свербила мне голову – как уничтожить этих оборотней. Я вспомнил фразу с плаката в аптеке: «Капля никотина убивает лошадь». Вряд ли это применимо к Адан. Она, пожалуй, стакан никотина выпьет, и в лучшем случае её только пронесёт. С Аббатом ещё сложнее. Зойку, конечно, трогать не надо. Она сама жертвой стала, и не без моей помощи, а с ней ведь тоже нужно что-то делать. Наверное, ответ на мои размышления должен быть в этой проклятой книжке. По-видимому, мне придётся пройти полный курс учения ТАББА НАДА. А если в процессе этого учения моя голова превратится в ослиную башку, то, в общем-то, я её заслуживаю. Но в любом случае, чего бы мне это ни стоило, за Шурочку я с ними рассчитаюсь. Читать ТАББА НАДА в обычные дни не имеет смысла, так как непонятно, о чём идёт речь. Информация поступает только в полнолуние. Сколько же этих лун должно пройти, чтобы освоить эту чёртову науку? Если я освою это учение, наверняка буду уметь делать то, чего не могут они. Иначе для чего ещё я им нужен, стали бы они возиться со мной. Вот так, шагая по улицам Пятигорска, я размышлял об одном и том же. Проходя мимо места дуэли Лермонтова, представил, как бы я стрелялся здесь с Аббатом и всадил ему пулю в лоб, но, увы, меня наверняка ждала бы участь Михаила Юрьевича. Вызывать этого мерзавца на дуэль – это значит сразу подписаться под смертный приговор. Мудро в своё время поступил герой сказки Шар ля Перро «Кот в сапогах»: превратилась колдунья по его просьбе в мышку, он и съел её. Вот так бы и мне, уговорить Черчилля превратиться в муху, и размазал бы я его тогда газетой по столу, да пусть хоть в мышку, я бы его, как тот, кот живьём съел. На выходе из парка старенькая бабуся просила милостыню. Мелких денег у меня не было, и я хотел просто пройти мимо, но она таким жалобным взглядом посмотрела на меня, что я не смог остаться равнодушным, положил на разостланный перед ней платок бумажную купюру, не помню уж, какого достоинства. Нищенка перекрестилась и вдогонку произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.